

Дарья Гущина

Забутые
Тени на снегу

16+

Забытые

Дарья Гущина

Забытые: Тени на снегу

«Автор»

2021

Гущина Д.

Забывшие: Тени на снегу / Д. Гущина — «Автор»,
2021 — (Забывшие)

Когда в мире всё спокойно – жди большой беды. Эта поговорка появилась в народе помнящих, когда в мир пришли те, кого после назвали Забытыми. Четыре сильных чаровника стремились к неведомой цели, уничтожая всё на своём пути. А потом, появившись из ниоткуда, они пропали. Кто создал Забытых? Зачем? Кто уничтожил? На эти вопросы не было ответов даже у народа помнящих. Зато сохранилась память о том, что указывало на их появление. Прошли столетия. Правда превратилась в сказки – и забылась. Но когда в мире всё спокойно – жди большой беды. И вот одна из помнящих случайно замечает, что по миру поползли первые тени Забытых. Первая книга цикла.

© Гущина Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Отражения	8
Глава 2. Наледь	22
Глава 3. Злая зима	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дарья Гущина

Забывшие: Тени на снегу

*Некоторые тени настолько длинны,
что появляются раньше света.*

Терри Пратчетт «Роковая музыка»

Пролог

В колодце на щербатом карнизе сидел, обняв ободранные колени, худенький мальчик. Мшистые стены сочились сыростью и гнилью. С каменной кладки ручьями стекала грязь. Внизу, под карнизом, в сером тумане ворочалась, стонала и гулко вздыхала невидимая хмарь. Но ожидание подходило к концу. Узкий каменный колодец уже озарял рыжеватый лунный свет.

Подняв бледное лицо, мальчик жадно всмотрелся в осколок луны. Она робко заглядывала в колодец, очерчивала неровную кромку каменного провала, скользила рыжими пятнами по сырým стенам. Осталось совсем немного... Мальчик с сожалением отвернулся и, осторожно встав, оказался лицом к стене. Пятна света спускались всё ниже, и всё тоскливее вздыхала внизу хмарь, протягивая к луне липкие щупальца и касаясь карниза, всё сильнее завывал наверху ветер.

Мальчик потёр озябшие ладони и размял затёкшие пальцы. Время в замкнутой темноте летит незаметно, но дарует то, чего не найти на земле, – ощущение безысходности и неизбежности. И понимание. Того, что было. Того, что есть. И того, чему предстоит свершиться. Мама много об этом писала и рассказывала. Ему остаётся лишь передать миру её слова. И дрожащим указательным пальцем левой руки мальчик написал на лунном пятне: «История ходит по кругу, и забытое всегда возвращается».

Крупные кривые буквы дрогнули и отделились от стены, зависнув в воздухе над его головой. Мальчик неуверенно улыбнулся и продолжил писать, сипло бормоча:

– Забытые – это и выдумка, и сказка на ночь, и слухи ради слухов, и сокрытые тайны. Но это и истинность прошлого, скрытая за шелухой времени. Это песчинка истории, затерянная среди рукотворных сказов и небылиц, облачённая в ворох преданий и легенд.

Он вытер рваным рукавом пот с грязного лба и поднял глаза к небу. И кивнул самому себе. Над его головой вилась косая вязь мерцающих красных букв, а посветлевшая луна, перебравшись через круг провала, закрыла собой тёмное небо. Мальчик пошевелил пальцами левой руки, сжимая и разжимая ладонь. Кожа, разъеденная «письмом», распухла, потрескалась и кровоточила.

Пишущий заторопился, правой рукой цепляясь за мшистый выступ и проговаривая вслух, и чужие слова одно за другим складывались в строчки:

– Истина прошлого почти забыта даже нами, наследниками старой крови – говорящими и пишущими. И нас мало. И ещё меньше осталось помнящих. Они закрылись от мира, спрятались в страхе, но время приходит. И сила не оставит выбора тому, кто *помнит*. Через боль и слёзы, через страх и смерть она снимет с легенд шелуху времени и выдумок, как с луковицы снимают едкие лепестки кожуры. Снимет, чтобы понять. И рассказать. Чтобы проклятье прошлого пало. Чтобы старые ошибки никогда не повторились, – и крупно, размашисто: – *Началось. Пора.*

Дописав последнее слово, он устало привалился к стене. Луна, утратив рыжий цвет, мерцала тусклым золотом. По онемевшей левой руке маленького писца стекала кровь, и, почуввав её, оживилась туманная хмарь. Седые плети взобрались на карниз и цепко обхватили тощие лодыжки мальчика. Он с тревогой взглянул на написанное. Пожалуй, это всё – он *написал*... предупредил. Дальше – дело за временем. И за историей. А что есть история? Паутина случаев. Цепочка следов на снегу. И дело – за следопытом, способным прочитывать следы, опознать угрозу, внять предупреждению... и всё же рискнуть. Потому что судьба не оставит ему выбора.

Едва удерживаясь на карнизе, мальчик протянул к луне руку и быстро поставил последнюю точку и подпись. Косые строчки букв дымом поплыли вверх, за уходящей луной, и пишущий наблюдал за ними с отчаянной верой. И пропустил стремительный рывок хмари.

Пронзительно взвыл ветер, скользкий карниз сменился летящей пустотой, хмарь разразилась радостным уханьем.

Серебряная луна заглянула в чёрную бездну колодца и исчезла. В холодной темноте закружили первые снежинки, разрушая слова чужой магии и тая на опустевшем карнизе.

На мир, замата следы недавних событий, медленно опускалась тишина – бескрайняя тишина ночи первого снега.

Глава 1. Отражения

– А я те говорю, что видал городище!
– Да не видал, не заливай!
– Видал, говорю!
– Не видал! Не может его там быть! Там пустошь мёртвая посередь гор, и давным-давно ужо! Бреешь, змей!
– Не брешу!
– Бреешь! Мертвяка, поди, услышал, обделался, надрался под кустом, а терь заливаешь, что городище древнее видал!
– От трезвый был, ей-ей! Нет, ну охоты ради и пользы для принял чутка, но две капельки-то всего! А чего они мне? А ничего!
– Да пусто там! Тока мертвяки воющие да заяц, дурной по осени!
– А я те говорю, что городище там!..

Уткнувшись в кружку, я пила чай и лениво прислушивалась к перебранке. Два мужика, один здоровый и пухлый, второй – худой и мелкий, отчаянно спорили за соседним столом. Худой то и дело вскакивал и кричал, что видел некое городище, а толстый усердно его высмеивал. Кажется, спорить они начали ещё до моего прихода, драли глотки, пока я обедала, и замолкать не собирались.

Впрочем, а не к месту ли их споры?..

– Видал! Зуб даю, что видал!.. – брызжа слюной, вопил худой.

– Хорош ужо! – пошёл на попятный толстяк. – Хорош!.. Не ори. Верю, что видал.

Я ненароком обернулась через плечо. Худой мужик сел, нервно сдвинул на затылок засаленную шапку и одёрнул старую меховую куртку. Глотнул из высокой кружки хмельной ягодный сбитень, вытер рукавом длинные светлые усы и насупился:

– А ведь не веришь, стервь, что я городище заброшенное видал!..

Я тихо хмыкнула в кружку.

Заливает? А если представить?..

Я задумчиво посмотрела в окно. Постоялый двор находился за первой городской стеной, и из грязного окна открывался чудесный вид на грубую каменную кладку. Но когда поутру я выбралась из телеги, то первое, что увидела, это далёкие заснеженные холмы, а за ними – древний горный хребет. Рядом с которым, если судить по карте, есть большое безымянное озеро.

Да. Кстати, о воде. И о мертвяках, которых толстяк воющими величал...

– Да ни хрена ж ты не видал, упёк ужо, брехатый!

– Не серчай, чали, народ тут простой, в речах не стеснённый, – смущённо шепнула мне седовласая хозяйка постоялого двора, собирая на поднос грязную посуду.

Я рассеянно кивнула и попросила ещё чаю. Да, теперь – чали. Пора привыкать к новому облику и иному обращению. По людским меркам я выгляжу глупой и наивной девицей... и по своим собственным – тоже. В обличье взрослой женщины, чалиры, во избежание недоразумений я ходила чаще, но она мне надоела. Но, опять же из-за возможных недоразумений, нынешняя личина была отталкивающей: мелкая, тощая и носатая девка с родимой меткой на полщеки, что считалось проклятьем, и жидким «хвостом» косы.

– Вот добрешешься, и удавлю вместе с энтим городищем твоим!

Какие же люди всё-таки... хладнокровные. И что с них взять... кроме интересных сведений. Которые помогут скрасить ожидание. Всё равно я застряла здесь надолго. И, надеюсь, это случайное «надолго» не затянется на всю зиму.

Я нахмурилась. За окном кружили редкие снежинки. Первый снег в этом году выпал слишком рано, и слишком рано осенне-рыжая луна поблёкла, став снежно-белой. По всем расчётам до сезона больших снегов оставалось дней десять, и я должна была успеть закончить обход последних северных острогов. Три города, включая этот, – день-полтора в пути до каждого – быстрый опрос населения на предмет странных явлений – и ещё два дня, чтобы вернуться хотя бы к Центральному северному пути.

Но.

Снег застал меня в поездке и сопровождал всю прошлую ночь, к утру подтаяв и превратив неухоженные дороги в жуткое месиво. И ни один извозчик не собирался на работу и не выгуливал загодя ездовых собак, опасаясь новых снегопадов и первого мороза. Или ещё большей каши на дорогах.

Хозяйка поставила передо мной кружку с дымящимся чаем, и я с удовольствием принялась к медовому запаху. После долгой дороги меньше всего хотелось браться за работу, но иначе я не могла – любопытство. И слухи о неведомом городище и воющих мертвяках беспокоили ничуть не меньше шума от их пьяного рассказчика.

Я вновь оглянулась. Тощий мужик, шумно сопя и запрокинув голову, большими глотками опустошал жестяную кружку. Прихватив свою, я решительно подсела к парочке и подмигнула хозяйке:

– Повторите чалирам заказ. За мой счёт.

Мужики недоверчиво вытаращились на меня, и тот, что сидел слева, пухлый, заметив родимое пятно, осторожно отодвинулся, зашарил рукой за пазухой, ища оберег. А тощий посмотрел пьяно и недружелюбно:

– Чего тебе, чалка? Не припомню тя... Пришлая, что ль?

– А я тебе верю. Про городище, – я пропустила невежливое обращение мимо ушей и попросила: – Расскажи, а?

Хозяйка принесла две кружки с дымящимся сбитнем, и я присовокупила к ним четвертушку серебра. Мужики переглянулись. Хозяйка посмотрела на меня осуждающе и качнула головой: дескать, зря, чали, зря деньги показываешь, народ тут дикий, бедный, и за пару медяков удавит, и за меховую курточку и шитые сапожки прикопает за околицей, и даже родовое проклятье не остановит... Люди – они ж такие. Разные.

Я безмятежно улыбнулась и повторила:

– Расскажи про городище, – и положила на стол руки.

Теперь вздрогнул тощий.

– Эта... можа, двинем, а? – громким шёпотом предложил толстяк и отёр потный лоб. – Отседова давай, а?..

...покуда беды не случилось, читалась на его раскрасневшемся лице. И мои серебрушки, и куртка с сапогами разом потеряли свою привлекательность. Но тощий не обращал на собутыльника внимания, боязливо изучая мои ладони, расписанные осенними рунами, пальцы, унизанные простыми медными кольцами.

– Ты эта... кудесница, что ль? Чаровница? – спросил он сипло, а толстяк шумно выдохнул и выругался в сторону, пробормотав «меченая...»

– Да. Я – знающая, – я кивнула. – И моя работа в общине – изучать необычности. Расскажи, чалир, – и посмотрела на мужика настойчиво. – Что видел. Где видел. Когда видел.

Тощий нервно приник к кружке, а его собеседник отодвинулся, глядя на меня насупленно и испуганно.

Таких, как я, многие боятся. Даже безграмотный хуторянин, живущий за окоёмом, знает о меченых чарами – о тех, кому на пороге смерти душа мира даёт второй шанс. И новую силу. И цель: хранить обитателей мира от происков сырой магии, вспухающей всевозможными волшебными необычностями, *знать* о происходящем и использовать знания прошлого во благо. И

если магия не впитывалась в умирающих, творя новых меченых, то перекидывалась на вещи... или порождала некие городища. Впрочем, чаровники появились так же – стихийным порождением. И не всегда благим. И которую сотню зим знающие спорят, для чего же мы: помогать – или наказывать. Да, люди-то разные, и кудесники из них получались тоже разные.

– Значить, видал я городище, – наконец решился повторить историю тощий. Поёрзал на скрипучем стуле, ненароком отодвигаясь, и продолжил, вцепившись в пустую кружку: – На озере – мы Непромерзайкой его кличем, не замерзает оно сроду, – где рыбалил поутру. Пришёл я, значить, до рассвету, и пока сети готовил, пока то да сё... Глядь, а оно над озером-то и колышется. Городище-то. Туман над водой течёт, ветер буянит, а городище из ключев тумана-то и собирается. Острог, хибарки, стена окружная – высоченная!

– Если стена высоченная, то как ты хибарки-то разглядел, дурень? – не выдержал толстяк.

– Дык из тумана ж он! – снова окрысился тощий. – Налетел ветер, разогнал туманище – и вот, видать сразу стало и хибарки, и острог, и каменные башни евойные!

– Башни? – переспросила я. – Сколько этажей?

– Не помню, – смутился мужик. – Высокие. Наших выше.

У «наших», то бишь местных башен острога, три этажа. Любопытно...

– А прежде на месте озера был город?

– Рядом, – неожиданно подал голос хозяин постоянного двора. Он отошёл от стола, который отмывал во время разговора, и встал рядом, стиснул в руках тряпку: – Рядом был, чали, у озера. Ещё до нашествия Забытых. Большое торговое городище, Солнцевым называлось. Забытые его с землёй сровняли, останки в снег втоптали, горы близ него протянули. А люди опосля отстраивать не стали, пути-то из-за гор сменились. Обосновались южнее – здесь, взяли старое название... да забыли.

Я поёжилась.

Забытые... Повсюду, куда ни плюнь, торчат их хвосты, по всему миру прошлись смертоносной косой... Сколько зим прошло – больше десяти людских поколений сменилось, но... Забылись – да не забылись.

– И мертвяки там с тех пор воют, – добавила хозяйка негромко и поставила перед нами поднос с горячим питьём. – Страшно воют безлунными ночами. А мы никогда не зажигаем больших огней, как стемнеет, и двери после заката и до рассвета не открываем. Никому.

– В нашу общину обращались? – я обернулась к хозяйке. – Знающих звали?

– Нет, привыкли к ним, – хозяйка споро расставила кружки. – Родились рядом, живём всю жизнь бок о бок... Это же... голоса. И всё.

– И зря проболтались, когда ваши сюда пришли, – заметил неожиданно толстяк и глянул искоса. – Прежде они зла не творили. Мертвяки-то. Выли себе, но людей не трогали, даже ночью. И на охоту мы уходили до рассвету, и на рыбалку... А теперь... – и замолчал хмуро.

– Продолжай, чалир, – я напряглась. – Кто приезжал? Когда?

Молодой и неопытный знающий, конечно, мог наломать дров. Кудесникам-новичкам свойственно задирать нос и верить, что они всеильны и всемогущи, что им любое дело по плечу. Но далеко не все избегали Гиблой тропы во второй раз. Самонадеянных глупцов мир не жаловал, и немало знающих сгинуло в первом же серьёзном деле раз и навсегда.

– Нынче летом, двое, женщины, – ответил за толстяка хозяин постоянного двора. Пододвинул стул и сел рядом. – Звать вас... обычно никак, и они не назвались. И между собой молчали. Одна пожилая, худая, вторая – рыжая, высокая, молодая, кра... – и осёкся под неодобрительным взглядом жены.

А она закончила:

– Приехали с запада, с Солнцекрасного. Долина-то наша, Солнечная, небольшая, сразу видно, кто да откуда. Переночевали, услышали мертвяков да поутру на озеро отправились. И

не вернулись. После них затишье было, чали, до осени. Мы обрадовались, да зря. Единожды оставили городские ворота открытыми на ночь – осенняя ярмарка начиналась, гости наезжали...

– А дальше? – я уже догадывалась, о чём услышу.

Мы эту парочку давно ищем, но они как в воду канули. Причём не этим летом, а прошлой зимой. В последний раз их видели в южных пустошах, и с тех пор...

– Дальше? – хмыкнул толстяк. – А наведайся в лазарет, что в третьей башне. Внизу покои, а под ними – подвалы, ледники. Они до сих пор там – те, кому не свезло. Лекарь заморозил – знающим показать. Да наш староста и слышать о вас не хочет. Не было таких бед прежде, – добавил с нажимом. – Не было, чали. Мы и ворота закрываем, и обереги пользуем, и света мало ждём после заката...

...но всё равно боимся, читалось на лицах четвёрки. Разговор, как и моё дело, принимал неожиданный оборот.

– Схожу, – я допила чай и встала, – и к лекарю, и к озеру. Будь добра, собери обед и ужин, – повернулась к хозяйке. – И не ждите на ночёвку.

Она вздрогнула. Или моя юная внешность пробуждала в ней сердобольность, или боялась, как бы хуже не стало. Или всё вместе.

– Там что-то есть, чали, кроме мертвяков, – серьёзно сказал хозяин постоянного двора. – То, чего при солнце не видать, а ночью – не слышать. Не ходи. Сгинешь.

Я качнула головой:

– Благодарю за предупреждение, чалир, но помогать вам – мой долг перед миром за новую жизнь. Который чтут не все вернувшиеся. Те женщины не от мертвяков избавлять шли. А той силы мира напиться, что пробудила голоса умерших. И показала уничтоженный город. Теперь они могут быть где угодно. Может, давно покинули долину. А может, остались здесь. В других обличьях.

– В других?.. – снова вздрогнула хозяйка.

– Это простейшая магия, чалира, – менять облик. Мы постоянно ею пользуемся, – рассеянно отозвалась я, оглядела собравшихся и мягко предупредила: – Не чините препятствий. И не ходите следом. Я узнаю. И не прощу тех, кто мешает мне делать свою работу.

Хозяева переглянулись, толстяк сглотнул, а тощий опустил глаза. И толкнул локтем своего собеседника, громко прошипев:

– Усёк, что видал я городище?..

– Да подь ты!.. – привычно огрызнулся тот.

Дальше спор я не слушала. Поднялась в свою комнатку под крышей и замерла у окна, глядя сквозь серебристое стекло на пляску снежинок, кромку городской стены и призрачную кайму далёких гор.

Не все меченые вступают в общину знающих. Ощущение гибельного края отнимает у нас прежнюю жизнь – и право на прежнюю внешность. И даёт взамен любую новую. Но не все соглашаются помогать миру и его обитателям. Одних способность к чарам опьяняет и толкает на глупости, а другие не принимают собственную «обновлённость», ведь сырая магия усыпляет прежние уменья. И ты всё начинаешь сначала – читать, писать, изучать мир... и себя. Но не все хотят учиться. А вот вернуться к обычной жизни хотят все.

Даже я, потомок старой крови, потерявшая у Гиблой тропы не всю себя, иногда мечтаю.

Странные, в общем, это существа – хладнокровные. Теряют жизнь – злятся, получают новую, полную чар – злятся пуще прежнего и сходят с ума... Не все, но случается. Они же не привыкшие к волшебу – издревле с силой рождалась только старая, «согревающая», кровь. До Забытых у людей своих чаровников не было, и община в своё время появилась благодаря старой крови, как и первые рабочие знания. У края Гиблой тропы все равны – и те, кто с врождённой силой, и те, кто без. И знающим может стать любой разумный смертный.

Но хлопот теперь из-за таких «любых» и «разумных»...

Сняв куртку и закатав рукава рубахи, я пересчитала руны. Пятнадцать Должно хватить. Жаль лишь, что время моей силы на исходе: осень закончилась, и родной осенней магии в мире осталось немного – и с каждым днём будет ещё меньше. Я зарылась в сумку, перебирая амулеты. Сгинули, значит... Надо чаще проверять отдалённые остроги, и не раз в год, как нам велят. Всё равно большую часть времени мы проводим в дороге – болтаемся без дела в ожидании этого самого дела. Которое всегда настигает неожиданно и не там, где ищешь. Вообще не там.

Я снова осмотрела руки, меченые силой. Руны чаровников не брала ни одна личина. Мои, осенние, вспухали крохотными язвами жёлтой лихорадки, покрывая огрубевшую, красноватую кожу мелкими символами от кончиков пальцев до локтей. Зимние руны темнели трещинами от мороза, весенние – рассыпались коричневыми пятнами, а летние казались солнечными ожогами. Я дотронулась до язвочки, ощущая слабую пульсацию сжавшейся в комок силы.

Ну что ж, дело – так дело...

– Вёрт? – позвала я тихо. – Вёртка, выходи.

Щипнуло копчик, и по пояснице, щекоча, скользнул мой «хвост». Высунулся из-за ворота рубахи и замер столбиком. Гибкий, пушистый, в чёрно-рыжую полоску, ни головы, ни мордашки, только искрящие огнём пуговицы глаз. Мелкое существо-паразит, без поддержки чужой силы не выживающее, приползло ко мне две осени назад, когда я достигла первого порога... даже не зрелости, нет. Когда я вышла из детского возраста. И ещё сезонов через двадцать-тридцать, глядишь, смогу приманить «крылья»... если силу старой крови не перекроет окончательно сила знающего. Пока она в осенний сезон мешала работать с врождённым. Правда, и для сложных дел я не доросла... по мнению предков.

– Обыщи соседние города и окрестные деревушки, – попросила я, погладив тёплое тельце. – В долине должны быть другие знающие. Найди мне зимника. Сделаешь?

Вёртка кивнула и змеёй метнулась на пол. Нырнула в щель меж дверью и полом да была такова.

Долинские дороги сплетались в Центральный северный путь, и из общины загодя, чуть ли не с лета, сюда обязательно направляли пару-тройку зимников. Чтобы с началом снегопадов быстро помочь местным жителям с заметёнными дорогами и сразу же направить зимников на расчистку основного пути.

А я наведуюсь-ка в ледник и посмотрю, что за чудовище испортило горожанам ярмарку и напугало их до запертых врат и погашенных огней.

Собравшись, застегнув куртку и перекинув через плечо сумку, я закрыла комнату и спустилась вниз. Хозяйка уже собрала харчи в узел и ждала меня.

– Не ходи, чали, – повторила она, теребя передник. – Сгинешь.

– Не сдавай мою комнату, – я сунула узел в сумку. – К утру вернусь.

Хозяйка проводила меня недоверчивым взглядом, и я услышала её сдержанно-испуганный вздох. Но объяснять ничего не стала. Если здесь об истинных знающих лишь *что-то слышали*, немудрено, что от меня ждут ещё большей беды. Словам не поверят. Только голове побеждённого чудовища.

На улице шёл снег. Натянув капюшон, я постояла на крыльце, изучая полупустую улицу. Низкие каменные дома с покатыми крышами, редкие прохожие, закутанные в старые полушубки и толстые шали. С первым снегом утренне-оживлённый город, встречающий торговые обозы, сник, притих и приготовился к долгой спячке. Солнечная долина, да, славилась солнечными днями и устойчивой погодой, но местные земли не отличались плодородием, и люди жили охотой, рыбалкой, каменоломнями да выращиванием укропа на подоконниках. Зимой, когда за сутки дома заваливает по крыши, здесь совершенно нечем заняться, кроме как чистить снег да поливать укроп.

Нет, не хочу тут зимовать, определённо...

Я отправилась узкими кривыми улочками ко второй городской стене и вратам острога, соображая, как попасть в нужную башню. Обычно пришлых за вторую стену, в город, не пускали. А общинный знак-пропуск я посеяла летом... или весной. Не помню. Спихватилась, когда надо было куда-то попасть, а амулета-«имени» не нашлось. Надо всё-таки написать наставителю, чтобы сделал. И если не с боем прорываться к башне лекаря, то...

– Куды? – подозрительно посмотрел на меня страж ворот – огромный мужик в засаленном полушубке и стоптанных сапогах. – Кто такая?

– Болезная, – я быстро показала ему руки и захлюпала носом. – Оснянка. К лекарю бы...

Осенняя лихорадка заразной не была, и цепляли её обычно дураки, забывающие, как тонка грань между осенью и зимой, как быстро меняется погода на изломе сезонов, когда вечером обманчиво греет солнце, а ночью мороз прихватывает до полусмерти.

– Вход в третью башню со двора, – важно, отточенно и явно заученно выговорил мужик и поправил съехавшую на лоб шапку. – Вдоль стены ступай, в караулку стукнешь. Там лекарь или его ученик. Осмотрят. Авось и далече пустят, до башни.

– Благодарю, – я кивнула и побрела вдоль стены, спиной ощущая взгляд стражника, пошатываясь и шаркая, изображая болезную.

Вот же глушь, меченого от больного не всякий отличит... Но лекари-то должны опознать. А как опознают – так и поговорим.

На стук никто не ответил. Я осторожно подёргала деревянную дверную ручку – раз, другой, третий. И услышала скрипучий голос:

– От себя.

Точно. Особенность северных построек: все двери, как и окна, открывались внутрь. Завалят дом снегом по крышу, не то в шутку, не то всерьёз объясняла давеча хозяйка, – останется лазейка для подкопа. Взял лопату, открыл дверь или окно – и копай.

Дверные петли скрипели под стать голосу лекаря. Оный, невысокий и шуплый, с седыми патлами и усталостью в выцветших глазах, занимался скучнейшим делом – сматывал в рулоны чистые тряпицы. А больше в крохотной комнатке караулки никого и почти ничего не было – стол с горками рулонов и тряпиц, стул, тлеющий очаг и тоскливо зевающий человек. Зябкие сквозняки. И чистота. Ни пылинки, ни паутинки в углах и на потолочных балках. Даже запах какой-то... особый. Чистый. Да, к слову, о скуке и укрепе...

Сбросив капюшон, я молча и приветственно склонила голову. Лекарь равнодушно посмотрел на родимое пятно и прищурился на «оснянку». И сразу всё понял. В бесцветных глазах вспыхнуло любопытство.

– Не повезло, да, чали? – он ловко перевязал очередной рулон и встал. – В дорогу бы, но застряла? А я давно жду кого-нибудь из вас. Из *истинных* знающих, – пояснил медленно и выразительно.

– А те, что до?.. – я снова натянула капюшон.

– Сразу не понравились, – доверительно сообщил лекарь, накидывая на плечи потёртый тулуп. – Я не первую зиму работаю, чали. И не в первом остроге. Жизнь побросала по миру. Много повидал. И знающих встречал прежде. Разных. Но похожих.

Я молча внимала, топчась на пороге.

Лекарь сменил чуни на валенки, прихватил шапку и лишь тогда скрипуче договорил:

– Мёртвые вы, чали. Уж прости за прямоту, но – мёртвые. Мёртвая кровь. Мёртвые души. Пустые. Умные, внимательные, основательные. Знающие. Помогающие. И мёртвые. Вы живёте, не чтобы жить. А потому что... надо.

– А те две женщины, выходит, живыми были? – я прищурилась на своего собеседника. – Заинтересованными?

– Горящими, – он кивнул. – Искрящими.

Я внутренне вздрогнула.

«Искрящими»...

Когда-то именно так называли мой народ. А теперь в его существование мало кто верит, и говорят о нас как о помнящих. А искрят, по людским же замечаниям, другие – те, кто загорелся корыстным и опасным интересом. И нашёл новый, несовместимый с истинным путём знающего смысл жизни.

– Понимаю, чалир, – я тоже кивнула. – Показывай.

Лекарь открыл неприметную дверь и приглашающе махнул рукой: мол, вперёд. Я пересекла комнатку и оказалась во дворе. И на мгновение зажмурилась: снежный день ослеплял, а морозный воздух кружил голову.

– Рано зима нынче, – озабоченно проскрипел лекарь. – Не к добру это... Сюда прошу, чали.

Не открывая глаз, я пошла на голос и через десять шагов, поднявшись на три ступеньки, с облегчением нырнула в очередной дверной проём и спасительный сумрак.

Да. Рано. И осенняя магия утекает из меня, как вода из разбитого кувшина. И выходит из тени, просыпается от вынужденной спячки волшебство старой крови. И ещё несколько дней мир будет... меняться. Меняться – для меня, для себя оставаясь прежним. Резче свет и ярче тьма, чётче запахи и громче звуки, теплее холод и жарче огонь... И ближе память. И ближе дух мира – Шамир на просторечье – помогающий, подсказывающий и поддерживающий. Люди не слышат, а мы... А нас, его первых детей, осталось слишком мало.

Но почему же зима поторопилась?.. В случайности я никогда не верила. Где-то что-то стряслось, отчего зимние чары выплеснулись в мир, хороня осеннее волшебство под ледяными сугробами, выстужая последнее солнечное тепло, отрезая кудесников от силы. И сколько таких, как я, оказалось в западне – без магии, в бездорожном захолустье?.. И сплетённые заранее чары потеряют половину силы, и новые взять негде...

Нет, не верю я в случайности. И, может, ночью на озере найду если не ответ, то зацепки.

Сырым сумрачным коридором мы прошли вглубь башни и спустились по узкой витой лестнице в подвал. Привыкая к изменениям, я насторожённо принималась, прислушивалась и присматривалась. Влажные касания сквозняков. Эхо шаркающих шагов лекаря. Подвижные тени редких желтоглазых факелов. Кровь. И меня потянуло к ней, как замёрзшего к солнечному теплу.

Я напряглась. В подвалах ощущалась старая кровь. Старая – давно пролившаяся. И старая – волшебная. Говорящие, пишущие – кто-то из них. Но, скорее всего, пишущий – их горячая кровь сильнее, чем тёплая говорящих.

Однако не просто так напало на город неизвестное чудовище. Солнечная осень, столичная ярмарка – и, конечно, съехала вся округа: и из соседних долин, и из ближайших городов Серединной равнины. Даже люди старой крови. Обычно мы держимся подальше от хладнокровных, но – ярмарка. Раз в сезон рискнуть, чтобы вести послушать, запасы на зиму сделать...

Их ждали.

– Мышами несёт, чали, – виновато вздохнул лекарь, по-своему растолковав моё взволнованное дыхание. – Вишь, на огонь-то осветительный чаровнику силы хватило, а вот мыши... Неистребимы.

– Кота завести не пробовали? – беззлобно полюбопытствовала я, предполагая ответ.

– Бегут, стервецы, – буркнул провожатый и распахнул очередную скрипучую дверь.

Бегут... Значит, ощущают насильственную смерть и боятся. Старая кровь умеет «рассказывать» и предупреждать даже спустя долгое время. Животные чуяли это инстинктивно – там, где кровь кричит об убийстве, безопасной жизни нет и не будет.

За дверью находился узкий извилистый коридор с редкими жёлтыми огоньками на стенах и многочисленными дверьми. Что за ними, меня не интересовало. И неодолимо тянуло ниже – на следующий этаж. И когда мы начали спускаться по второй лестнице, я услышала шёпот –

тихий, робкий, невнятный. И убедилась в своей правоте – точно кровь пишущего. Говорящий оставил бы более внятное послание. Собственно, лишь ради них говорящий и открывал рот, всё остальное время – бывало, всю жизнь, – он молчал.

Ледник оказался маленьким и явно рукотворным – и чаротворным. Очередной коридор – повтор верхнего: сырой полумрак, безликие двери, скудные огни. Лекарь без остановки дошёл до пятой слева двери, открыл её и посторонился, приглашающе махнув рукой. И шёпот стал громче. Слов не разобрать, только интонации – просительные, предупреждающие и отчего-то виноватые.

Я шагнула на зов крови и сразу же увидела то, что толстяк с постоялого двора многозначительно назвал «останками». Ледяные стены, наросты на полу, сосульки на потолке. И мерцающие капли крови в прозрачном ледяном выступе на стене.

– Вот так всё и было, чали, – проскрипел позади меня лекарь. – На двери дома. С ней и забрали. Видишь рисунок?

Я промолчала. Капли напоминали... тень. Я чуть сместилась в сторону, закрыв спиной огонёк, и моя тень легла на «рисунок», повторяя его очертания. Голова, плечи, руки... И голос стал громче, настойчивее.

– Выйди, чалир, – попросила я тихо. – Прошу.

Лекарь молча удалился, прикрыв дверь.

А я протянула руку к чужой тени, и на моей ладони заплескали белые искры. Не для того она сотворена – не для разговоров... И сделана неправильно. И откуда только узнали – это ведь *наши* чары, искрящих... И совершенно точно это дело рук разумного существа, кудесника, а не чудовища с озера.

Мы творим посмертные тени, чтобы они указали путь – к тайникам, семье, дому. Вероятно, и эту тень сделали, чтобы добраться до других пишущих и тайн старой крови. Но что-то в ритуале пошло не так.

– Говори, – я шевельнула пальцами. – *Скажи*.

И тень тоже шевельнулась. Дёрнувшись, она потемнела, вытянулась и обрела явные женские очертания – изящная шея, хрупкие плечи, кружевная шаль, стянутая на высокой груди, длинная юбка. Мелкие волнистые прядки, выбившиеся из строгой причёски, качнулись, и женщина хрипло выдохнула:

– Сын. Дорог. Ушёл писать. Всегда... отпускала. Двенадцать по людским меркам. По нашим – мужчина. Сам по себе. В городе ждала. Но Уводящая... успела раньше. Утянула на свою Тропу.

– Кто? – настойчиво уточнила я, и моя ладонь заискрила ярче. – Кто тебя убил? Помнишь?

На тёмном лице на мгновение проступили глаза – большие, болотно-зелёные, как у всех пишущих. Разочарованные.

– Нет. Ушла со двора. Ярмарка – и в ночь торговля. Закрала дверь. И сразу Тропа. Я – не ты, искорка... Мирна. Так меня звали.

И всё. Тень начала расползаться ветхой тряпицей. До смерти она думала лишь об одном – о сыне, и кровь впитала эти мысли. И только эти.

– Я писала, – Мирна сердито тряхнула головой. – Я много писала, искорка. Что-то – Дорогу, когда учила. Что-то – себе. Спроси обо мне. Найди мой дом. Найди. Читай. Поймёшь. И Дорога... поищи. Прошу. На Гиблой тропе его нет. Он где-то здесь. Живой.

Я молча кивнула, про себя с досадой понимая, что нет. Не найду. Кровь выдохлась, рассказав последние воспоминания, и её так мало... Надо поискать ещё – в доме, рядом с ним. Пишущие работают кровью и всегда оставляют много следов. Найду их – найду и парнишку.

– Будь осторожна, – тень потускнела. – И уходи. Прочь из города. Не то ночью придут за тобой. Как пришли за мной. Нарочно. Не рискуй людьми. Прощай, искорка. Хвала Шамиру... вы уцелели. Нам будет куда... вернуться. Прощай.

«Нарочно»...

– Где точно это случилось? – спросила я у лекаря, выйдя из ледника. – Сколько в ту ночь погибло?

– В том-то и заноза, – нахмурился он. – Не назову места. Где-то у первой городской стены, среди постоянных дворов. Ярмарка. Гостей много было. И смертей.

– А отпечатки из крови сколько погибших оставило? – я пристально смотрела на лекаря. – Вспоминай, чалир. Это важно.

– Домов горело семь, – сказал мой провожатый просто. – Думаю, так избавлялись... от возможного проклятья. Стирали следы крови. Но не знаю, откуда дверь. Её после где-то в стороне нашли. Моё дело – живые, чали. А мертвецов поутру не было, как и пропавших. Никого. Обгоревшие, покалеченные в панике... Ярмарка. Много приезжих. Всех не учесть.

Никаких зацепок... Кроме, пожалуй, обережных знаков. На старых домах они старые – потрескавшиеся, выцветшие. А на новых, понятно, новые. Но что мне это даст, если прежние хозяева ушли Гиблой тропой?.. Лишь одно: если беглянки остались в городе, то, вероятно, в заново отстроенных домах, под обличьями погибших. Тел не осталось – и почему бы этим не воспользоваться, притворившись одним из своих? В таком случае они добавят домам оберегов, вплетут в обычную вязь что-то для себя. И я это замечу.

Поблагодарив лекаря, я побрела обратно. Да, не в озере дело. Там всего лишь провели ритуал. Нашли источник, выпили силу, затаились до ярмарки – и пришли. Гостями. Убивать старую кровь. Мы ведь тоже источник. Шамир – источник силы, а мы – источник жизни. И некоторые безумцы через нас хотят навсегда избежать Гиблой тропы. Мёртвая кровь... это мёртвая кровь. Да только знания эти, об использовании нашей силы, сгинули вместе с Забытыми.

Должны были сгинуть.

Я неспешно поднялась по лестнице. Прав лекарь. У нас нет иной цели, кроме как отрабатывать сомнительное счастье снова дышать. Иначе – Гиблая тропа. Снова. И очень быстро. Или честно отрабатываешь хотя бы в свой сезон – или уходишь туда, откуда обычно не возвращаются. Но кто-то умудряется набраться сырой силы так, чтобы противостоять Тропе. А потом, следуя старым сказкам о Забытых, вырваться из её плена и снова стать частью живого мира. Ненадолго, но всё же. На постоянной подпитке – но всё же.

– Дверь, чали.

Я тряхнула головой, обнаружив, что стою, упёршись лбом в закрытую дверь. Да, конечно... Я взялась за ручку и услышала улыбочное:

– На себя.

Даже здесь, в подземельях, по традициям...

– Спасибо, чалир. Кровь из ледника... сожги. Вместе с дверью. И поскорее. Тогда и коты вернутся, – я поколебалась и добавила: – Но прежде изучи. Дверь. Когда отгадет. Вдруг на ней что-то осталось.

– Да нет там ничего, – проворчал лекарь. – Осматривал. Ни знаков, ни царапин, ни...

– Ни? – я обернулась.

Он хлопнул себя по лбу и хмыкнул:

– Вспомнил. Чужаки постоянный двор строили, чали. Привыкшие, как ты, от себя открывать, выходя. Мы дверные петли иначе располагаем. В точности наоборот.

– А чужаки здесь?.. – я снова оглянулась.

– Три дома. Из тех, что горели. Я все обходил, проверял покалеченных.

И, пока мы поднимались по лестнице, я выслушала короткие, но подробные рассказы: кто владеет, где находится. В списке, по странному стечению обстоятельств, оказался и мой постоянный двор.

В коридоре я тепло распрощалась со старым лекарем и вышла из башни, окунувшись в густую снежную пелену. Снег валил, как одержимый. Словно задался целью научить меня наконец пользоваться северными дверьми без ошибок, на практике.

Я постояла на крыльце, подняв голову к седому небу, и пробормотала:

– Знаешь, Шамир... Если это всё из-за меня, чтобы задержать здесь... То это слишком жестоко по отношению к другим людям.

Ветер хлётко ударил наотмашь.

Я потёрла щёку и ухмыльнулась:

– Знаю-знаю... Мы слишком высокого мнения о себе. Но ведь ты зачем-то создал нас именно такими. Зачем?

Ветер стих, осев на моей непокрытой голове пушистым снежным облаком. Я тряхнула волосами, натянула капюшон и отправилась в обратный путь – через караулку, к первой городской стене, к воротам. И чувствует, что нечего у озера делать... Но права Мирна – на ночь надо уйти. Людьюми рисковать не стоит. То есть всё-таки до утра – озеро.

Нарочно...

Они не с озера пришли, нет. Они пришли из города. Из одного постоянного двора. Из второго. Или из третьего. Они ждали, прячась под новыми обличьями среди людей. Старую кровь вычислить сложно, но можно. Удивительные глаза. Невысокий рост. Странное поведение. Обособленность. Неприязнь к людям. Слабые отголоски силы. Умеющий искать отыщет.

Низкие снежные тучи погрузили острог в тяжёлый сумрак. Я брела по узким улочкам, ёжась, и прятала лицо. Привычно и зря. Пока я добиралась до ворот, мне повстречалось всего-то человека три, и они скрывались за капюшонами от холодного ветра.

...так кто же вы?.. Остались здесь или, когда люди испугались и начали закрываться на ночь, перебрались в другой город?.. Днём по окрестностям в поисках сырой магии не порыщешь – весь острог на промысле, слишком людно. А ночью не выйти. С вечера же уйдёшь и воротиться утром живым – заметят, здесь все друг друга знают. Заметят и заподозрят. А народ с окраинных земель на расправу скорый.

Остались или ушли?..

Я обернулась на заснеженные постоянные дворы.

Узкие проулки между, грубая кладка, два этажа, покатые крыши, похожие окна – не отличить старый от нового, один от второго. Только по вывескам и понимаешь, где нужный. Приезжие останавливались здесь на ночлег, а ближе к зиме сюда стекались жители окрестных деревень, прячась от свирепых вьюг и голодных хищников за защитой стен, и дворов было много.

Очень много.

Они двумя плотными поясами охватывали город, и жертв в ту ночь, при такой-то тесноте, тоже было очень много. И крови. И земля, осенне-тёплая, и паника... Что-то да сохранилось, втопанное. От жертв. И от нападавших. Старая кровь умеет дать сдачи, даже если её застать врасплох. Слишком нас осталось мало.

Ворота уже заперли. Стражник за мелкую монетку объяснил, где находится озеро, и выпустил меня через калитку, сопроводив подозрительным взглядом. Я поправила куртку и отправилась в путь. Суровые тучи. Заснеженные холмы. Призрачный горный гребет. Вязкая, проваливающаяся тропа. Сырость и льдистая крошка в мёрзлом воздухе. И с отвычки так больно глазам, так рвёт свежестью грудь... А идти, по словам стражника, отсюда – и до темноты.

Едва острог скрылся за холмами, я остановилась, сняла сумку и сбросила куртку, с удовольствием ощущая, как от холода быстрее разогревается кровь. А потом и разулась, закатав

длинные штанины до колен. И дальше пошла босиком. Чем холоднее вокруг – тем мне теплее. И тем больше силы в крови.

К моему приходу над неподвижной водой уже плыл туман – белый, густой и совершенно обычный. Словно пар поднимался над чашкой с кипятком. И никаких голосов, полнейшая тишина. Озеро лежало в низине – длинное, вытянутое, чёрное. Чахлые кустики в белой бахrome, узкая кайма низких берегов, и ни души. Хотя крови здесь пролилось...

Спустившись к озеру, я оставила вещи и побрела вдоль тихой воды. Окружающее молчание завораживало. Ни гомона птиц, ни шуршания мелкого зверья, ни человеческих голосов. Только безбрежная тишина, то умиротворённая, то тревожно звенящая. Бесконечные тучи. Мелкий снег. И сгустившаяся ночь.

Пожалуй, пора – кинуть клич.

В ту ночь в Солнцедивном пролилось много крови, и лучше собрать её здесь, подальше от чужих глаз.

По-детски пошлёпав по ледяной воде и ощутив очередной прилив сил, я зашла в озеро по колено, окунувшись в туман. Наклонилась, коснувшись воды. Пошевелила пальцами. Задержала дыхание и длинно выдохнула, выпуская искрящуюся струю воздуха. Серебряные огоньки рассыпались по чёрной воде и соткались в несложный круговой символ.

Я выпрямилась и улыбнулась. Идите ко мне – все, чья кровь пролилась в эту землю... Закатав рукав, я чиркнула серебристым коготком по ладони, и кровь закапала в воду. Кровь к крови – я вам, а вы мне... Говорите. Расскажите. Внимаю.

Кровь – как вода: никогда не лжёт и хранит память о прошлом тысячелетиями. И мы видим её, как люди видят отражения в воде. Память поднимается густым туманом, свиваясь в образы, и иногда они просто показывают что-то из прежней жизни. А иногда говорят так, что не остановить.

Расплывчатые, но узнаваемые фигуры спускались с холма одна за другой, а я первым делом смотрела в чужие глаза: болотные – пишущих, янтарные – говорящих, обычные – человеческих. И с облегчением понимала: серебристых глаз моего народа здесь нет. И небогатую дань собрали беглянки – и десятка нет. И, конечно, наследили – оставили мне нужные зацепки. Их кровь излучала силу знающих и сдавала владельца с потрохами.

Я вытянула руки, и две фигуры с человеческими глазами, коснувшись воды, оттолкнулись от неё и сгустками крови упали на мои ладони. Я сжала кулаки, вытягивая из крови память. Да, это они, беглые знающие. В левой руке та, что ушла из долины. В правой – та, что осталась в городе и до сих пор там. Одна – рыжая и молодая, вторая – пожилая и теперь наверняка в облике кого-то местного.

Отыщу. Среди трёх-то дворов...

Искры погасли. Чужая кровь застыла на запястьях родинками. Тряхнув головой, я вышла из воды и по очереди пообщалась с застывшими фигурами, забирая осколки памяти тех, кто той жуткой осенней ночью, приехав на ярмарку, сгинул бесследно. Я вбирала всё – имена, возраст, место обитания, обрывки прошлого. Мою память читает родня, и она узнает о погибших. И передаст весточки нужным людям. Узнать – очень больно, но теряться в догадках, слепо верить и надеяться, а потом разочароваться – куда больнее.

Закончив и успокоив растревоженное, я вернулась к своим вещам, перекусила, зарылась в сугроб и крепко уснула. И никаких воющих мертвяков или туманных острогов не случилось. Беглянки выпили всё до капли, уничтожив волшебную необычность. К добру или к худу...

Посмотрим.

Ночь прошла тихо и удивительно спокойно. Я надеялась, что бывшая знающая явится за старой кровью, но она или не осмелилась, или не нуждалась. Или не поняла, кто я такая на самом деле. Проснувшись до рассвета, выкопавшись из сугроба, я умылась снегом, доела

остатки харчей и привела себя в порядок. И стряхнула с запястья нужную «родинку», сжав её в кулаке и ощущая, как кровь тянется к своей «хозяйке».

Найду. И беседа наша будет очень короткой.

В город я проникла невидимкой, чтобы не мозолить глаза страже. И невидимой, проشمгнув мимо немногочисленных «откапывающихся», подобралась к первому постоялому двору, указанному лекарем. Остановилась в узком проулке, провела рукой по стене и ощутила знакомую волну тёплой береговой силы. От хворей, от дурного глаза, от промерзания, от шаловливых духов излома... Всё необходимое на месте, и нет ничего лишнего.

Идём дальше.

«Родинка» была очень горячей, словно её «хозяйка» находилась рядом, по ту сторону стены, но я не верила этому обманчивому ощущению. Кровь чувствует своего одинаково сильно и в тысяче шагов, и в шаге от цели. И я не поленилась придирчиво изучить каждый из трёх постоянных дворов, чтобы открыть дверь своего и хмыкнуть. Давно не верю в совпадения и нечаянности, но иногда так пути-дороги сходятся, что волей-неволей проникаешься игрой случая. Именно здесь, кроме ощущения, наконец-то появился образ.

Потоптавшись на крыльце и стряхнув с одежды снег, я открыла дверь и зашла внутрь. И сразу услышала грохот – хозяйка уронила поднос. Кажется, пустой.

– Чали... – и столько непритворного удивления в голосе, что аж верить хочется, столько радости... – Что с тобой? Как ты...

– Скучно, – поведала я доверительно, снимая капюшон. – Ни чудищ, ни городища, ни даже голосов мёртвых. Нет у озера чудовища, и никогда не было. И тебе об этом известно.

Она попятилась. Обычная неприметная женщина: увидишь – едва ли заметишь, а заметишь – сразу забудешь. Волосы под тёмным платком, бесцветное лицо, серое платье с передником, стоптанные башмаки, грубые руки без меток знающего, каким-то образом стёртых. И если бы не капелька её крови в моей ладони – никогда бы не догадалась. Даже не подумала бы. Даже не заметила, несмотря на вчерашнюю заботу.

Кроме нас в небольшой обеденной никого не было. Столы и скамьи полукругом у окон, зашторенный вход на кухню, тени по углам, снежный сумрак. Мы одновременно глянули на ведущую вверх лестницу, но я успела к ней первой. И подняла руку, раскрыв ладонь – вокруг застывшей капли крови закружили белые искры.

– Тихна, верно? – я не мигая смотрела на замершую «хозяйку». – Так тебя звали в прошлой жизни. Где твоя спутница? Когда вы расстались?

Она лишь головой качнула, а взгляд стал таким... сожалеющим. Обо мне. О том, что я не попалась ей раньше.

– Ладно, – я кивнула. – Хочешь молчать – молчи. Твоя кровь всё расскажет честнее и быстрее.

– Искра... – женщина прикрыла глаза. – Твоя сила отвела бы меня от Гиблой тропы навсегда. Если бы знать... Нам попадалась похожая, но я не очень-то в неё верила. Сама-то не видела. Вы же, говорят, сгинули. Давно и навсегда.

– О, нет, – я улыбнулась, – мы всего лишь распустили слухи. Искрящие живы. И готовы, – я шагнула к «хозяйке», и мою руку объяло искристое пламя. – Осна – так нарёк меня наставитель из знающих в честь силы осени, которая подарила мне вторую жизнь. Верна – так меня называла мать. Запомнила?

Она недоверчиво распахнула глаза:

– Зачем?..

– У вас связь, – я прищурилась, – со второй. Кровная. Так передай ей – пусть ждёт. Я найду её на любом краю мира. И убью. И вытяну все тайны из её крови, – я пошевелила пальцами второй руки, потирая «родинку». – И узнаю, кто вам рассказал о посмертных тенях. И не только. Сядь.

У стены шевельнулась одна из теней. Уводящая давно ждёт – давно ходит рядом... И Тихна ощутила её присутствие. Без сопротивления опустилась на ближайшую скамью, закрыла глаза и сипло попросила:

– Не говори мужу...

– Он тебе не муж, пиявка, – я резко взвизнула вокруг неё осенние листья, стирая лишние годы жизни, и посмотрела на тень. – *Забирай. Твоя. Оставь мне немного крови. Прошу.*

Лопнули вены, и кровь из безвольного тела потекла ручьями, быстро унося жизнь. Я села на пол, коснулась крови и быстро начертила ею нужные символы. А потом наверху заскрипели половицы – «муж» проснулся. И я ускорила.

– Встань, – на кровавых подтёках заплескали искры. – Останься со мной. *Веди меня.*

На полу чётко обозначилась тень, слепленная из багровых клякс. А тело беглой знающей вспыхнуло и осело пеплом.

Заходили ходуном старые ступеньки, и я едва успела спалить последние следы ритуала.

– Чали? – а вот радости хозяина верить хотелось. Как и его удивлению. – Когда ты вернулась?

– Недавно, – я обернулась через плечо и ровно сказала: – Озеро чисто. Никаких чудовищ, клянусь памятью, там нет. Они не с озера пришли. Они ждали в городе и устроили ту... панику. И жены у тебя тоже нет. Прости, чалир. Не поняла сразу, что рядом с тобой в чужом обличье жила одна из тех знающих, что сорвали ярмарку.

– А я говорила, – раздалось сверху скрипучее. – Говорила, что эта тварь – не Зарна. А ты не поверил, дурачье.

Хозяин постоянного двора грузно плюхнулся на ступеньку, а позади него, закутанная в лоскутное одеяло, показалась старуха, древняя, как солнце Шамира. И я сочла за лучшее бежать. Когда хладнокровные выясняют отношения – это хуже стихийного бедствия. Да и всё, зачем пришла, я сделала.

– Не поминайте лихом, – я накинула на голову капюшон. – Я не вернусь.

И сбежала, окунувшись в заснеженное утро.

Постояв на крыльце и переведя дух, я оглянулась: новая тень следовала за мной шаг в шаг, невидимая для других. И уже указывала направление поисков. Приблизительное, но всё-таки. Осталось дождаться Вёртку и добраться до зимника. Солнечная долина – самая крупная и многолюдная из окрестных, здесь обязательно должен быть хоть один знающий, работающий с чарами морозов и снегов. Община на этом настаивала.

Острог понемногу просыпался. Выползали на улицы люди с лопатами, санками и песнями, над домами затемнели дымки, откуда-то потянуло медовым травяным чаем и горячей сдобой. Я расправила плечи, спустилась с крыльца и побрела по улочке на запах еды. Перекусить, пособировать сплетни и слухи – вдруг кто-то решит, несмотря на погоду, тронуться в путь...

Вёртка вернулась, когда я доедала рыбную похлебку и снова размышляла о внезапной зиме. Тёплое тельце пощекотало спину, привычно кольнуло в копчик, и я выпрямилась, вслушалась в шелестящую речь своей спутницы. Зимник – в дне пути отсюда, в Солнцеесном. А добраться туда можно с помощью местного лихача по прозвищу Норов. Правда, прежде его надобно протрезвить, да и монет он берёт немало... Но для такого дела я ни заклятий не пожалую, ни денег.

Купив в дорогу булочек и чаю, я отправилась на поиски лихача. Краем уха слушала объяснения Вёртки, интуитивно сворачивала в нужные переулки, но думала о другом.

Когда некто собирается выйти из комнаты, сначала появляется его тень. И размытый силуэт на полу намекает: ждите, скоро. Кого? А вот... И то же самое, кажется, происходит и сейчас. По миру расползаются тени Забытых – тех, кто умел обманывать Уводящую, бесконечно продлевая свою жизнь за счёт старой крови. И пока их, вестницы-тени, всего две.

Пока.

Может, я ошибаюсь, и две меченые – совершенно случайно – наткнулись на древние знания, которые во времена Забытых и после искали всем миром, но так и не нашли. Может быть. Но я в такие случайности не верю. Я всегда знала, что время Забытых вернётся. Нас готовили к ним с пелёнок. И к тому, чтобы новая старая беда обошла Шамир стороной. Мы хорошо помним жестокое прошлое. Слишком хорошо. И я из кожи вон вылезу, чтобы...

– Чали! – раздалось позади тоненькое. – Чали, стой! Да погодь же!

Я обернулась. Веснушчатый малец в старом полушубке нараспашку, пыхтя и сопя, догнал меня и протянул засаленный мешочек.

– Наказали передать, – пояснил он, раздуваясь от важности. – За эта... озеро. И за чалиру Зарну, – и шустро сменил тему: – А правда, терь на озеро можно, а? Даж ночью?

– Правда, – я взяла заработок, о котором постоянно забывала. – Но вы вперёд взрослых не лезьте. Пусть они проверят и привыкнут. И разрешат. Понял, чалик?

– Агась! – а хитрые глазёнки заблестели предвкушающе. – Передать чего?

– Слухи и без моего наказа разнесёшь, так? – я прищурилась. – Тогда слушай, что говорить, и чтоб ни слова от себя!

– Ни-ни! – заверил малец.

Станный народ – хладнокровные: слухам и сплетням, которые растащит по острогу этот несмышлёныш, они поверят скорее, чем знающей. А коль так, пусть верят правде, а не выдумкам.

Закончив рассказ мелкой монеткой, я с улыбкой посмотрела вслед удирающему пацану и тоже чуть ли не вприпрыжку устремилась искать своего лихача.

Когда сезон нашей силы заканчивается, мы остаемся без работы. И я внутренне готовилась к тому, что меня отправят разбирать бесконечные кладовые знаний или готовить новичков. А я это жуть как не любила и всегда старалась удрать в дорогу, на поиски необычностей. Да, без чар не осилю – так хоть найду и укажу, где.

Теперь же у меня есть интересное и важное дело. Даже два. Я из-под земли вторую беглянку вытащу, из любого предела выволоку. И попутно постараюсь найти сына погибшей пишущей.

Надобно сообщить наставителю, что я по-прежнему занята. В конце концов, тем, кто остался без силы, не возбранялось странствовать в поисках необычностей или новых, внезапно возникающих меченых.

Как бы глубоко моя добыча ни залегла на дно, теперь она зашевелится. Легко ложится лишь тем, кто знает – их не ищут. Их потеряли. О них *забыли*. А она понимает, что у неё на хвосте не просто знающая – искрящая. И зашевелится. Или чтобы сбежать и закопаться ещё глубже, или чтобы добыть мою кровь.

Я тебя знаю, Горда. Ты меня – пока нет. И это поправимо.

До встречи.

Глава 2. Наледь

В Солнцеесном что-то стряслось.

Вечерело. После долгого дня пути, в котором я потратила две трети своих чар, отчаянно хотелось выбраться из саней, раздеться и зарыться в свежий снег, а потом залечь где-нибудь, хоть в ближайшем же сугробе, на всю ночь. Даже есть после лихой езды через крутые холмы и дикие леса не хотелось. Но в городе явно что-то стряслось.

Меня ждали – слухи и птички-вестники работают быстрее любых чар. У открытых ворот мялась толпа мужиков, в одном из которых – по богатой шубе и шапке – я опознала городского старосту, в десятке – по высоченному росту и суровым ромам – стражу, а остальные просочились следом, ибо никакими плетью не разгонишь тех, кому любопытно.

И страшно.

Я выползла из саней, оглянулась на Норова и негромко предупредила:

– Капля хмельного – и ты труп, понял?

Его матушка мне хорошо заплатила за протрезвление и ещё больше – за будущее без пьянства. И дорога окупилась, и на потом осталось.

– Ну, чали... – вскинулся невысокий тщедушный парень, опуская поводья. – Ну каплюта... Ну, за дорожку ровную, за рождение, за...

– А потом пошло-поехало? Нет, – безжалостно отрезала я, поправляя капюшон. – Выбери: капля и Гиблая тропа или долгая и счастливая жизнь.

Норов тихо заскулил. Запряжённый в сани лохматый ездовой пёс – огромный, выше меня в холке, грязно-серый, – издал ответный поскуливающий звук, но не поддерживающе-унылый, а хихикающий.

Я улыбнулась и протянула руку к острой морде. На меня настороженно уставились блекло-голубые глаза. А люди... подождут. Часто псы меня боялись и шарахались, едва завидя. Но этот был очень благодарен за то, что больше ему не придётся подолгу сидеть в загоне, ожидая хозяина и работу.

– Не бойся, – прозвучало дико, ибо зверь возвышался надо мной косматым хищным холмом. Но он боялся. Чуял огонь. – Прошу. Мне надо *передать*. Вы же повязаны общей силой как одной кровью.

Он боязливо прижал острые уши и наклонился. Я мягко коснулась его лба.

– Вас называют псами, – прошептала еле слышно, – но я знаю, кто вы на самом деле. Помню, как вы выглядели до Забытых, и почему скрылись за такой внешностью. И почему пришли к людям. *Помню*. Мой друг... я оставила его с матушкой. Для защиты. Передай, что я скучаю. Просто передай.

В глазах вспыхнули голубые искры и погасли за тяжёлыми веками. От толпы донеслось сдержанное: «Цыц, не лезь!..» Я вздохнула. Да, в городе же что-то стряслось...

– Удачи, – я улыбнулась и повернулась к людям: – Вечер добрый. Что случилось?

– Да ты сама посмотри, чали! – начал один.

– Там, в остроге... – подхватил второй.

– Цыц! – снова заткнул народ староста и нервно вытер усы. – Чали, ты... наперёд руки покажи, – попросил беспокойно. – А то слухи-то... лишь слухи.

Я приблизилась и молча подтянула рукава куртки. Староста слеповато прищурился, снова вытер усы и распорядился:

– Паренька устроить и накормить. Зверя – тоже. Чали, не сочти за труд... глянуть. Странность у нас одна... с четвёртого дня. С вечера.

А что случилось вечером четвёртого? – сразу прикинула я. Да, зима. Внезапная и беспокойная. И беспокоящая.

– Показывайте, – я привычно спрятала лицо за капюшоном.

Солнцесный, как и большинство поселений, скрывался за тремя стенами: за первой – загоны, склады и прочие хозяйственные постройки, за второй – город, за третьей – острог со старыми укреплениями, вторым рядом складов и домами городской верхушки. Далёкие остатки четвёртой стены, за которой прежде ставили дома для зимующих жителей деревень, давно поглотил дикий лес, сквозь который мы с боем прорывались полдня. И указывали оплавленные каменные клыки на одно – во времена Забытых тут побывал Зной, но город он не тронул. Не нашёл старой крови.

В лесу затеяли неуверенную переключку волки, и пёс, глухо заворчав, дёрнулся, оглянулся на заснеженную тропу. Норов, вздохнув, молча расстегнул упряжь – сани на время придется бросить здесь. Пёс предупреждающе завыл, и волки моментально заткнулись. Так ездовых и кормили – отпускали на ночь погулять.

– Чали?.. – напомнил о себе староста.

Я устало тряхнула головой и запретила себе отвлекаться. Быстрее дело сделаю – скорее отдохну и найду своего зимника. И не только.

Сопровождаемая старостой и окруженная шелестящей толпой встречающих, я добралась до ворот и сразу же заметила первую странность. Врата и городскую стену покрывала мутная ледяная корка. Я внутренне подобралась. Не может это быть тем, чем могло бы быть... но всё же это чары.

– Тут не всё, – вполголоса заметил староста и опять нервно отёр усы. – В городе... больше.

Остановившись у ворот, я осторожно провела пальцем по наледи, использовав искорку, но лёд не поддался – не оттаял. Я пошла дальше, оглядываясь. Старательно вычищенная дорога, стены с внутренней стороны, деревянные хлева и склады от земли до крыши – всё скованно льдом.

– В домах холодно? – поскальзываясь, я целенаправленно шагала ко второй стене.

– Нет, – немедленно отозвался староста. – Но вот двери и окна мы два дня открыть не могли – смёрзлись с косяками. Огонь не берёт. Ломали двери – пояснил мрачно. – Выносили. Теперича с открытыми окнами живём – вдруг опять замурует. Благо к холодам мы привычные да обереги ваши камню остыть не дают.

Вторые ворота стояли приоткрытыми.

– Кто-нибудь умер? – я нахмурилась.

– Да нет, – староста пожал плечами. – Пропал один – торгош Виден. Но он постоянно пропадает. А потом находится через день-другой в чьём-нибудь подполе. До хмеля чужого больно охоч.

На этих воротах лёд был толще и по углам украшен завитушками. Я присела, снова провела по наледи пальцем и хмыкнула.

– Скорее всего, это дух излома. При смене сезона они иногда просыпаются, шалят пару дней и снова засыпают, – я встала. – И их чары сразу рассеиваются.

– От духов мы заговорённые, – с достоинством возразил староста. – Каждый двор защищённый.

Я оглянулась на отстававшую толпу и шёпотом поведала:

– Вот именно поэтому, чалир, никто и не погиб. Обереги вбирают силу, но не всю, а лишь губительную. А это же, – я указала на ворота, – шалость. Шутка скучающего духа.

– Пару дней?.. – повторил задумчиво староста и дёрнул себя за ус.

– Зима нынче внезапная, тревожная, – признала я со вздохом. – Да, может, ещё день-другой пошалит, пока не заснёт.

– А фигуры из льда тоже они делают?

Я снова напряглась.

– Показывай.

– Заходи, – он махнул рукой.

Я осторожно проскользнула между створок и замерла. Город... горел. Улицы расходились вокруг острога, как круги по воде. Низкие домики прятались за короткими каменными оградками, и сейчас всё пространство между ними заполняли костры. Второе кольцо пламени шло вдоль стены. И повсюду шумно сновали люди с факелами – грелись, пытались растопить зловредный лёд, обсуждали напасть.

За огнём и суетой я не сразу обратила внимание на ледяные фигуры – совсем небольшие, с локоть, они украшали каждый двор. На оградке сидела ледяная птица. На крыльце свернулся калачиком ледяной кот. У входа во двор замер ледяной пёс. Под окном распустился крупный ледяной цветок. У стены выросла ледяная рощица, и когда налетал ветер или кто-то пробегал мимо, тонкие веточки жалобно, мелодично звенели. И отблески пламени ложились на мутный лёд закатными тенями.

– Эт ничего ещё, – староста привычно отёр усы. – Это начало. Смотри дальше.

Мы прошли по поперечному проулку, обходя костры, к третьей стене. Я попутно насчитала пять кольцевых улиц, прикинула число жителей и хмыкнула про себя. Довольно большой город для такого захолустья... Добротные дома, дружные, отчаянно помогающие друг другу жители, тишь да гладь. Не может здесь ничего дурного случиться, говорила я себе, оглядываясь на работающих у костров людей. Не должно.

«Дальше» на вдох-выдох превратило меня в подобие ледяной статуи – одной из тех, что я увидела, обогнув очередной костёр. Вдоль стены острога деревьев и зверей уже не было – только люди. Ледяные стражи у покрытых толстой, мутной коркой ворот. Ледяной торговец булками. Ледяная старушка с клюкой. Ледяной чалик-попрошайка. Почтенная мать семейства с выводком ребяти. Ледяной парень, колющий дрова. И огненное зарево плясало на ледяных боках, высекая зазорные искры.

Я побрела вдоль статуй, осматриваясь и улыбаясь. Конечно, это не дух излома. Это Зим – знающий, за помощью которого я и примчалась в Солнцеесный. Он славился такими творениями. Интересно, кем был в прошлой жизни этот хладнокровный, если создавал столь яркие образы?.. Лёд дышал жизнью – и действием. Казалось, подойди ближе – и попрошайка протянет руку, заведёт свою вечную песню, и ведь не откажешь...

Зим – не самое приятное существо Шамира: ленивый и до работы, и знаний, слабый до девок, вкусной еды и хмеля, вечно бегущий от себя и отрицающий новую жизнь. Он и сейчас наверняка этим занимался – отрицанием. Когда его время кончалось, Зим законопачивался в глуши и изо всех сил и последних денег старался забыть о том, что приобрёл – и потерял.

Как и всех хладнокровных, я недолюбливала его за слабость духа. Но в чём Зиму не откажешь – так это в мастерстве. Когда сила требовала работы, он быстро собирался, соображал, что к чему, и работал. И вот, она потребовала – и знающий, наверняка до сих пор пребывав в непотребном состоянии и не понимая, что наступила зима, поработал. Как сообразил.

– Где он сейчас? – я повернулась к старосте.

– Кто? – не понял тот.

Я подумала, как бы описать Зима – как и все знающие, он постоянно менял обличья, – и коротко сообщила:

– Гость вашего города. Прибыл весной-летом. И с тех пор не просыхает. Вообще тихий, но может внезапно и сильно взбрыкнуть.

– А-а-а! – сразу понял староста и скривился: – В остроге он. В яме. Буйным вдруг стал, вот соседи и сдали. Сидит теперича. Думает.

– И как его заперли, так статуи и появились? – я улыбнулась.

– Ну... э... – замялся он. – Вроде как... да, – и понял: – Это что же, чали? Он – как ты? Мече... прости, знающий?

– Когда сезон работы заканчивается, метки бледнеют и малозаметны, – пояснила я и попросила: – Проводи меня к нему.

Но Вёртка отвлекла: повозившись, вытянулась вдоль моего позвоночника, на пару вдохов слилась со мной, и я ощутила то же, что она – остывшую, тянущую ледяным сквозняком кровь. Странного, очень странного мертвеца.

Развернувшись, я побежала вдоль стены, считая статуи – первая, пятая, десятая, пятнадцатая... У восемнадцатой я остановилась и, пока староста догонял, использовала пару искр. Невысокий парень – странник в обрывках одежды, скованный наледь в позе замерзающего, – рухнул на снег. Лёд разлетелся на куски, обнажая синюшную кожу, сведённое тело и грязное тряпье. Я наклонилась и сразу же заметила главное – характерные пигментные пятна на судорожно сжатых кулаках.

Вот же... гиблые затмения...

Подоспевший староста не успел и рта раскрыть.

– Чалир, ты его знаешь? – я указала на мертвеца.

Он опять нервно подёргал ус, сглотнул, прищурился слеповато и качнул головой:

– Нет. Не наш. Первый раз вижу.

Я недоверчиво подняла брови, и староста приосанился:

– Я тут родился, чали, и вырос. Каждую собаку знаю. Пришлых сразу вижу. Не наш. Чужак. И, право слово, чали... – он запнулся и сник: – Не понимаю, как он здесь оказался...

Ну, это-то как раз объяснимо: как показал случай в Солнцедивном, просочиться в город в облике местного (того же вечно пропадающего торгаша Видена), притереться и прижиться – большого ума не надо. А после смерти чары разрушаются, обнажая истинное лицо. Вопрос в другом. Кто, когда и за что убил знающего-летника. Чужих смертельных чар на нём мы с Вёрткой не ощущали. Зато остро чувствовали не свою смерть.

Когда время смертного кончается, он уходит сам. А когда его вынуждают уйти, появляется Уводящая – и оставляет следы своего присутствия: колючие, неприятные... инородные. Иномирные. Кто хоть раз побывал на пороге Гиблой тропы, навсегда запомнит и её, и обжигающе ледяное дыхание Уводящей.

А ещё не давала покоя наледь. Она лопнула от простейшего «горячего» касания, как мыльный пузырь.

– Зови стражу. И лекаря. Осколки не трогайте. Кто у вас смертоубийствами занимается?

– Никто, – развёл дрожащими руками староста. – Кого ж у нас убивать-то? Все свои. Полгорода – родня, полгорода – скоро ею будет. А ежели побьют кого – так в яму переночевать. Живо в себя приходят. У нас убийств, почитай, лет двадцать не было. И то, что помню, – пару пьяных драк с пришлыми.

Да уж...

– Проводи меня в острог, чалир.

Зим натворил – пусть сам и разгребает. У меня в городе свои дела – посмертная тень нервничает и очень хочет кое-что мне показать.

Однако на обратном пути, когда староста отвлёкся на подоспевшую стражу и столпившихся любопытных, я украдкой проверила ближайшую статую. Всё та же пара искр, но лёд не раскололся, а лишь едва треснул. То есть знающего закатал в наледь не Зим, а кто-то другой.

– Вёрт? – позвала я шёпотом. – Проверь город. Ищи. Не знаю, кого. Или чаровников, или их амулеты. Или что-нибудь... необычное.

В некоторых случаях люди могут пользоваться слабыми нашими чарами, используя амулеты. В некоторых – значит, в опасных для жизни, и то если Шамир будет благосклонным и

позволит смертному уцелеть, а не отзеркалит чары на колдующего. Мы иногда этим подрабатывали. Желающих рискнуть и ощутить себя чаровником хватало.

Ногу щекотнуло пушистое тельце, и Вёртка выскользнула из штанины в снег. И скрылась в ближайшем сугробе. Я оглянулась на старосту, окружённого гомонящей толпой, и в одиночестве подошла к воротам в острог. Опять использовала пару искр и задумчиво посмотрела на нетронутый лёд.

Дух излома, втолковывал мне наставитель с точки зрения хладнокровных, у которых сила появилась только после Забытых (вернее, благодаря им), – это дух волшебства. Когда сезонная сила пробуждается, она с помощью духа говорит смертным: я проснулась, готовьтесь. А духи – да, шаловливые и любят попроказничать. Но ещё ни один смертный от их рук не пострадал.

Дух излома, рассказывала мама из опыта помнящих – это одна из ипостасей Шамира. Когда одна сезонная сила сменяет другую – когда они встречаются и смешиваются, – душа мира цепляется за эту смесь как за подвое тела, чтобы *предупредить*. Творение духа излома – это предостережение. И эта налесь... Последний осенний дождь и предзимний холод. Весь сезон для нас будет... прогулкой по опасному, хрупкому льду. Прогулкой сырой, холодной и малоприятной.

Я скользнула в щель между воротами. В остроге было тихо и пусто. И ни людей, ни костров, лишь волшебные рыжие огни вдоль стены. А всё пространство между постройками заполняли статуи. Торговцы, ремесленники, извозчики, зеваки...

– Да уж... – снова пробормотала я. – Ну, Зим...

– Чали, – меня, запыхавшись, догнал староста. – Вон туда нам. Вон та башня.

Угрюмое, громоздкое и нелепое трёхэтажное строение, закутанное в ледяной саван, нависало над низкими домиками городской верхушки. Которая, надо отдать ей должное, сейчас была с людьми – думала, подсказывала, руководила. А о пленнике...

– Забыли? – спросила я резковато. – О том, кто в яме?

– Что ты, чали, – обиделся староста. – При нём же стражник. Огня и тепла внутри хватит. Да нужно Зиму это тепло...

– Как внутрь попасть? – налесь на башне цельная, толстая, ни окон не видно, ни дверей.

– Чёрный ход, – пояснил староста. – Покажу.

К башне жалась кособокая каменная сторожка с выбитой дверью и одной комнаткой. Староста отыскал в углу лаз, поднял крышку и прихватил со стены фонарь. Мы спустились в подземный коридор, тесный, сырой и блаженно (для разгорающейся меня) холодный. По пути я рассеянно выслушала короткую историю об «очень больших и старых» воротах башни, которые и без шалостей духов промерзали зимой так, что не выйти. Поэтому появилась нужда в подземных крысиных ходах. Башней давно толком не пользовались, но ходы исправно чистились и содержались в порядке. Всякое ж бывает.

Поднявшись по стёртым ступеням, я огляделась. Темно, мрачно и сыро. Межкомнатные перекрытия давно сгнили, и всё, что от них осталось – балки на каменном потолке и стенах. А ворота действительно оказались огромными – в четыре человеческих роста и покрытые расписной налесью. По стенам лучились редкие фонари, дающие больше теней, чем света. И, шурясь, я рассмотрела у дальней стены каменную лестницу.

– Сюда, чали, – тихо кашлянул староста, и под потолком загуляло боязливое эхо, отчего в башне стало ещё угрюмее.

Между фонарями чернел дверной проём. Мы прошли длинным коридором и спустились в так называемую яму – небольшой полуподвальный закуток, где у решётки откровенно посапывал стражник. И пленник, кстати, тоже. Яму наполняли храп на два голоса, тусклый фонарный свет и идущее от стены, расписанной зачарованными символами, тепло.

Когда староста снял с крючка ключи и отпер решётку, стражник даже не шевельнулся, лишь всхрапнул громче.

– Я же говорю, нет у нас убийств, – смущённо улыбнулся староста и протянул мне ключи. – Непривычные мы охранять супостатов. У нас стража не для наведения порядка, а чтоб его беречь.

– И то верно, – согласилась я и вошла в яму.

Староста, любопытственно помедлив, удалился. Я огляделась. Косые лучи фонаря падали на шербохатые стены и неровный пол. И слегка, за ноги, захватывали некий чёрный ком в углу. А духман стоял... Окосеть можно за пару вдохов. Хорошо, что хмель хладнокровных на старую кровь действует медленнее и не столь верно. А вот храп, едва я шагнула вперёд, сразу же прекратился.

– Зим, – окликнула я негромко, – вставай. Твоё время пришло.

– Врёшь, – хрипло проворчал ком. – До излома ещё дней пять-шесть.

В былые времена, до нашествия Забытых, чётких сроков для сезонных изломов не существовало. Сезоны начинались и заканчивались по велению природы и особенностям местности. И, например, здесь, на севере, лета вообще могло не случиться, вместо него – длинная сырая весна, перетекающая в быструю осень. А на юге – сплошное лето с короткими промелками холодов, таяния и увядания.

Но после Забытых мир изменился навсегда. Их странное волшебство загнало сезоны в жёсткие рамки, и они стали одинаковыми что для севера, что для юга. Прежде мы отмечали рождение нового года, не считая дней, по появлению на небе яркого созвездия Шамира – тогда оно называлось «Лицо мира» и действительно напоминало лицо. А после Забытых его уже никто и никогда не видел. Зато луна стала менять цвет, предупреждая о начале нового сезона – белый, нежно-золотой, зеленоватый, ярко-рыжий. И хладнокровные, скрупулёзно посчитав дни, разделили каждый сезон, длящийся сто дней, на четверти. И со времён Забытых зима (как, впрочем, и остальные сезоны) всегда – всегда! – возвращалась ровно спустя четыреста дней.

Но не теперь.

– Не теперь, – возразила я. – Зиме уже почти пять дней. Вставай. Пора.

Молчание, и хриплое:

– Повернись.

Я встала так, чтобы Зим мог меня видеть. И, конечно, увиденное ему не понравилось.

– Ось, ты, что ли? – он сплюнул.

– Как узнал? – поинтересовалась я.

– Только ты используешь такие отвратительные обличья, – проворчал знающий. – Уйди. Дай выдохнуть. Я тебя услышал.

Сам он обычно использовал такие облики, что девки краснели и вздыхали. Но не сейчас. Следом за мной из-за решётки вышел неприметный сутулый парень среднего роста и неопределённого возраста – не то двадцать, не то сорок. Мышистые волосы, светлые глаза, белая, как от мороза, кожа, неброская одежда. На ходу накинув куртку, Зим сразу же закатал рукава. На обветренных руках явственно проступили чёрные трещины, которые он и показал проснувшемуся стражнику. Тот сглотнул и понятиливо кивнул. Опознал наконец.

– Что случилось? – Зим широким шагом устремился по лестнице наверх. – И что ты здесь делаешь?

– Дух излома продолжает буянить, и его волшебство не расходится уже пятый день, – доложила я, едва поспевая следом. – По всему городу – твои ледяные статуи. Под одной я нашла убитого знающего-летника. А я тут с объездом. Думала, успею вернуться хотя бы на центральный северный, но застряла в снегах.

Знающий замер на верхней ступеньке и изумлённо обернулся. Я невозмутимо улыбнулась.

– Ты это серьёзно? – он недоверчиво поднял брови. – Про знающего?

– Покажу, – пообещала я.

Зим шумно выдохнул и кивнул старосте. И сразу же пристал с вопросами – что случилось, как и когда.

Я поплелась позади них к выходу, подбирая подходящие для объяснения чары и додумывая легенду. Знать в подробностях о том, что случилось в Солнцедивном, пока никому не стоит. О том, что я по прошлой жизни не совсем обычный человек, догадывались, но всей правды не знал никто. Мы изо всех сил старались «истребить» искрящихся, и восставать из пепла пока не время. Мы до сих пор в опасности – и теперь, со странностями зимы и всплывающими из ниоткуда знаниями Забытых, даже больше, чем прежде.

И поэтому мне нужен Зим. Если бы меня не боялись псы – если бы я была уверена, что, увидев в деле мой огонь, они не сбегут, – я бы выбралась и сама. Но – увы. Наши псы давно жили рядом с искрящими друзьями и помощниками, грелись у огня и никогда его не боялись. Но чужаки – это чужаки. И сверкать силой, прокладывая дорогу, даже при безграмотном Норове не стоит. Расползутся сплетни – хлопот не оберёшься. И кто-нибудь умный догадается. Нет, затаиться за чужими спинами и не искрить без повода. И выбираться из этого каменного мешка как можно скорей.

Мы знакомым путём покинули башню и вернулись к неизвестному мертвецу. Любопытствующие столпились у ближайших костров и делали вид, что греются – молча и пошикивая друг на друга, чтобы не пропустить ни слова. Между ними и статуями стояли два бородатых стража со столь грозным видом, что я бы тоже не рискнула подходить. Рядом с полураздетым мертвецом рассеянно курила трубку пожилая женщина в тёплых мужских штанах и коротком полушубке. Видать, лекарь. И поэтому ей прощался неподобающий приличной чалире вид.

– Отрава, – сообщила она хрипло и равнодушно. – Траванули, как крысу. Весь в чёрных пятнах. Глаза б ещё показал, поняла бы, что пользовали. А он закатывает, – и пожала плечами.

Староста отвёл её в сторону, а Зим первым делом коснулся мёрзлой дороги, и лёд засиял пронзительно-голубым, потрескался.

– Дух излома, – подтвердил он моё мнение.

Следом знающий добрался до ближайшей статуи торговца, и та поплыла туманом, впитываясь в его руки.

– Моё, – признал со вздохом.

И присел у осколков. Взял в руки самый крупный кусок, повертел, поколдовал, и с его ладоней стекла в снег обычная вода.

– Не моё, – Зим посмотрел на меня почему-то обвиняюще. – Самая обычная вода. Замёрзшая. В бочке его, что ли, морозили...

– И самая обычная отравы? – я задумчиво покивала. Глаза, значит, не показал... – Есть что-нибудь острое?

Зим сжал кулак и легко сотворил ледяной кинжал. Протянул мне, но я мотнула головой и попросила:

– Уколи. Хочу на кровь посмотреть, – эх, не будь здесь столько лишних глаз и ушей...

– Зачем? – Зим небрежно всадил кинжал в мёртвую ладонь. И во все стороны брызнули мелкие льдинки.

Крови не было. Вместо неё – лёд. Зим не поверил своим глазам и распорол руку убитого до локтя. И опять – лёд.

– Учиться тебе и учиться, – я осуждающе цокнула языком. – Глаза просто так не убегают. И, спорю, на его теле, на шее, ближе к голове, есть небольшой символ. След от чар.

Я пошевелила пальцами и нарисовала в воздухе – кольцо, вокруг него – второе, третье...

– «Воронка». Поищи.

– И откуда ты всё знаешь? – заворчал Зим, переворачивая труп.

– На то мы и знающие, – я улыбнулась.

Под отросшими грязными волосами действительно нашлась «воронка». Лыдисто поблескивающая сердцевина и частично стёртый второй круг. Вот почему нам с Вёрткой его кровь показалась ледяным сквозняком...

– Должно быть четыре круга, – я устало ссутулилась, сунув руки в карманы. – Чары уходят в тело, закрывая глаза и вымораживая кровь. Иногда их наносят на мёртвое тело, но чаще на живое. Парень дал себя отравить и пометить чарами – значит, хорошо знал убийцу. К утру от «воронки» и следа бы не осталось, разве что небольшой синяк. Чары не сегодня запустили в работу, Зим. Один круг исчезает дня за два, – я отвернулась, признавая очевидное: – Их применили в ночь первого снега. А потом заморозили тело, чтобы не воняло, хоть в той же бочке. Парень-то некрупный. А ты его прихватил, как и всё, годное для статуй, обтесал и встроил в общий ряд. Мы здесь вряд ли кого-то найдём.

– Зачем кровь-то выстужать? – Зим тщательно протёр руки снегом. – На кой ляд?

– Чтобы тот, кто умеет слышать её даже мёртвую, кто умеет задавать ей вопросы и получать ответы, ничего не узнал, – я натянула на лицо капюшон.

Следующий вопрос поразил – и простодушием, и откровенной безграмотностью:

– А что, кто-то умеет?

– Искрящие умели, – я пожала плечами. – Среди людей этих ребят со старой кровью ещё называют помнящими.

– Но они же вымерли!

Я тихо хмыкнула, пряча улыбку:

– Видимо, нет. Видимо, они по-прежнему присматривают за Шамиром. Несчастный, кажется, знал много интересного. Но нам он уже ничего не расскажет. Увы.

Хотя – одна ниточка есть. Кто-то должен был покинуть город. Или – наоборот, остаться и схорониться под «местным» обличем. Следы первого найду и я, а второго учует Вёртка.

Я развернулась и направилась к старосте. Тот давно распрощался с лекашкой и что-то тихо объяснял людям у костров. Завидя меня, все замолчали.

– В первый день зимы из города кто-нибудь уезжал?

Люди переглянулись и закачали головами: мол, нет.

– А накануне? – подошедший Зим «подхватил» моё подозрение. – Днём или вечером? Или ночью?

Люди снова переглянулись, староста опять нервно отёр усы, но ответил не он. Высокий старик огладил бороду и подтвердил:

– Уехала. Чалка одна, с Солнцедивного. Пришла по виду. Была туточка по делам, по гостевым. С четверть осени жила, вроде как у родичей. Всё какие-то травы ночные собирать уходила на закате – вроде как для супов своих. Сами-то они с прошлой осени мертвяков воющих боятся, запираются, никого в ночь за ворота не пускают. А травки суповые, вот, важные. Нужные.

Я опустила глаза. И круг замкнулся... То-то посмертная тень Тихны дёргается и рвётся, показать что-то хочет... Наверняка это их с Гордой делишки. Надо найти спокойное место и как следует покопаться в памяти Тихны через её посмертную тень. Пока, к сожалению, у меня не было возможности сосредоточиться и изучить память даже поверхностно. Мама бы смогла... а я всё ещё расту.

– Где живут эти родичи? – спросила я резковато.

– Третья улица, восьмой дом, – нервно припомнил староста.

– Благодарю, – я повернулась к Зиме, но сказать ничего не успела.

– Плохо, Ось, – его глаза побелели и смотрели мимо меня. – Всё вокруг... плохо. Зима беспокойная. Злится, что её рано разбудили. Тревожится из-за чего-то. Нельзя нам тут застревать. К утру выезжаем... иначе даже я не вытащу. Бураном закроет. И стужей. И это будет только начало. Я слышу её голос вдали – голодным волком в степи воеет. Надо выбираться из

долины как можно быстрее. Там работают другие зимники, и даже если стужа развернётся, вместе мы справимся.

Тропа поглотила этих дурней, играющих с чужой силой... Забытые не только природу сезонов перекроили. Они много дряни разной оставили – спящей, потаённой... забытой. И если из-за сдвига излома она проснётся... В пути нам несдобровать.

– Так, – Зим тряхнул головой и серьёзно посмотрел на меня. – Я договорюсь с духом и помогу городу – сниму его чары, убегу наледь и добавлю защиты. А ты беги к тем родичам. Встречаемся у первых ворот. И во весь опор отсюда на ближайшем же псе.

Я кивнула и молча скользнула мимо людей в проулок.

Давно сгустилась ночь, небо и луну снова закрыли тяжёлые снежные тучи, но и город по-прежнему горел, и наледь отражала огонь. И я видела всё лучше. Мир и во тьме не терял красок – ночь казалась ранними сумерками: чёткие предметы, отличные друг от друга цвета. А к концу первой зимней четверти ночей для меня не будет до следующей осени.

Читая старые сказки, люди верили, что в искрящихся горит огонь – костёр. И ошибались – в нас, как в озёрах, отражается солнце Шамира, и его лучи, искря, разогревают кровь, разгоняют окружающую тьму и наполняют силой.

Рядом с указанным домом тоже горел костёр, а подле него грелась немолодая семейная пара. И вертелась моя спутница. Когда я остановилась, Вёртка выбралась из сугроба и вернулась на своё место. И передала короткой мыслью одно: «Очаг».

– Вечера доброго, чалиры. Кто у вас гостил несколько дней назад? – начала я сходу.

– Жена брата моего младшего, – после удивлённого перегляда с женой ответил мужчина. – Зарна. Она постоянно за травками приезжала. Леса у нас богатые, да и близко.

– Одна?

Дружный кивок.

– С кем она общалась из местных? Чаше других? – у меня не шла из головы случайная мысль о пропадающем в чужих погребках торговце – любителя хмеля. Или всё же неслучайная.

– С Виденом. По торговым делам, – женщина смотрела на меня с любопытством. – А тебе зачем это, чали?

– Извини, чалира, не могу сказать, – вежливо улыбнулась я и продолжила: – Виден местный? Или приезжий?

– Как сказать... – мужчина снова переглянулся с женой. – Дом унаследовал от деда лет пять назад, но жил там редко. Всё туда-сюда сновал с торгов. Но... – и осёкся.

– Но? – подбодрила я, глядя на него в упор.

– Нынче в конце лета как вернулся – так и осел. Почти не выезжал. Запил с чего-то. Как Зарна наведалься – чуток очухался, а потом...

– Пропал? – догадалась я.

– Так он, чали, вечно... по погребам по чужим, – скривилась женщина. – То и дело вот так вот... пропадал. Мы его и не видали почти.

То есть люди не поняли, что среди них поселился знающий... А беглянки прибыли в Солнечную долину, по слухам, прошлым летом... Кто они такие, мы знали. А вот кто этот парень, ещё предстоит понять. О том, что они путешествовали втроём, мы понятия не имели. Их всегда видели вдвоём – Тихну и Горду. Где они парня подобрали, чем совратили, за что убили?..

И, кстати, он действительно мог быть Виденом и торговцем – в прошлой жизни. Община не одобряла тех, кто хоть иногда жил прошлой жизнью, но и не запрещала, если дела знающих не забрасывались. И запить он мог, как Зим, из-за того, что умер – почти, но не совсем. А тут и ушлая девица с травками «нужными» подвернулась...

Любопытно, зачем он понадобился?..

– Как он выглядел? Где жил?

Мне описали обычную, непримечательную внешность – среднего роста, бородатый, востроглазый – и указали на соседнюю улицу, на дом наискось. Вёртка неохотно покинула своё убежище и снова отправилась разведывать. А я осторожно предупредила:

– Зарна в вашем доме кое-что оставила, и мне нужно это найти. Прошу, не ходите за мной, – и ещё осторожнее: – Ваш брат вам всё расскажет. Напишите. А у меня – время.

– Конечно, чали, – хозяин махнул на проём без двери.

А сам зашушукался с женой, и краем уха я услышала сердитое: «А я тебе говорила... Эт всё травки, из-за них поди...»

Обстановка дома была очень простой. Крохотный коридорчик – сапоги снять да тулуп встряхнуть, две небольшие смежные комнаты – кухня и спальня за занавесью. Рядом с очагом – бочка с водой с одной стороны, деревянная лестница на второй этаж – с другой, напротив – стол со стульями. А в очаге за бережным кругом крупных камней мирно потрескивало волшебное пламя – неопасное для прикосновения и случайных вещей, негаснущее, дающее тем больше тепла, чем холодней на улице. Знающие зарабатывали не только необычностью.

Я убедилась, что никто не подслушивает и не подсматривает, присела перед очагом и парой шлепков погасила пламя. И тщательно ощупала грязную кладку пола. Один из камней скрипнул и легко покинул гнездо. Я на всякий случай, подозревая гадость, опутала ладонь защитой из искр и осторожно сунула руку в дыру.

Но – ничего.

Ничего не случилось. А пальцы нащупали деревянный брусок. Вынув его из тайника, я изучила каждый сучок, каждое ребро, каждый угол – и опять ничего. Обычный кусок дерева – обычный кусок доски с мою ладонь. Искры пробежались по неровной поверхности и разочарованно сиганули в очаг – разжигать новый домашний костерок. А я вернула камень на место и встала. Однако что-то в деревяшке есть, раз Тихна спрятала брусок именно здесь, а не «дома». Хотя от него не тянуло ничем, вообще. Дерево и дерево.

Я обернулась, сделала пару шагов и увидела на стене посмертную тень.

– Это? – спросила негромко, показав ей брусок. – За этим ты привела меня сюда?

Тень кивнула.

– На твоём постоялом дворе что-нибудь полезное осталось? – уточнила я. – Есть смысл туда возвращаться? – или Вёртку отправлять.

Тень качнула головой: нет, мол. А врать хозяевам они не умеют. Говорить, к сожалению, тоже. Только чувствовать, передавать обрывки ощущений и вести к нужному месту. И показывать своё прошлое, но для этого нужен небольшой ритуал, много времени и место, где меня не потревожат.

– Зачем оно нужно? – я подбросила брусок. – Для чего?

Тень надулась, заметалась, но быстро сникла. Потом выпрямилась и подняла руки, качалась, явно изображая дерево.

– Важно не «что», а откуда? – я не сводила с неё глаз. – Что за порода? И где растёт?

Она лишь молча кивнула. Я сунула брусок в сумку. Позже разберусь. А пока... Не просто же так Тихна сделала тайник именно в очаге. Дереву или волшебба нужна... или огонь. Тень снова закивала. Или – или? Или всё вместе? Я на ходу запустила в сумку пару искорок и накинула капюшон. Да, позже.

На улице, отвлекая, что-то тренькнуло. Я вышла на крыльцо и обернулась. Наледь засияла и тихо, мелодично зазвенела от напряжения, готовая лопнуть. Я кинула быстрый взгляд на дом торговца Видена и сбежала с крыльца.

Он единственный не сиял и не звенел, оставаясь прежним.

Точка раннего излома? Вероятный исток внезапной зимы? И Вёртка где-то затерялась...

– Не волнуйтесь, чалиры, так надо, – объяснила я скороговоркой, пробегая мимо семейной пары. – Дух снимает чары. Спрячьтесь за костёр. Ничего не бойтесь. И с вашим домом всё в порядке. Доброй ночи.

Рядом с домом Видена я не заметила костров – он стоял пустым и казался заброшенным, а окружавшая его каменная оградка была гораздо выше соседских. Я прислушалась к далёким голосам, осмотрелась, не заметила любопытных взглядов и перемахнула через оградку. Быстро пересекла задний двор и остановилась у скользкого крыльца. Толстый слой наледи, тёмные окна, угрожающе сосульки под крышей. Дверь плотно запечатана ледяной коркой. Дом и пустой... и нет.

В доме что-то было.

В душе заворчалось радостное предвкушение. Хорошая заварушка – то, чего мне давно не хватало. Чтобы вспомнить себя-искрящую. Почувствовать былую силу. Понять, удалось ли обуздать её за пару скучных прошлых лет. И удалось ли вырасти. И просто, спали всё солнце, размяться – без чужих глаз и ушей, без страха разоблачения.

Когда я уходила к знающим, мама просила меня быть очень осторожной. Потому что по меркам искрящих я всё ещё ребёнок – неуравновешенный, драчливый, любопытный, рискованный. Я обещала. И старалась держать слово. И постоянно напоминала себе, что именно из-за любви к риску, опасностям и опытам я и оказалась сначала на Гиблой тропе, а потом – среди знающих. Но без риска старую кровь не обуздать. А если я не научусь этому – не нащупаю тот предел, когда сила становится одинаково губительной и для врага, и для меня, – то никогда не уйду дальше чтения чужой крови и памяти. А обстоятельства нынче складываются так, что...

Я буду очень осторожной, правда-правда, честно-честно...

Но здесь и сейчас я срежу «кожуру» с тайны этого дома, разломаю мякоть на дольки и разберусь, что это за «фрукт».

Вёртка, ощутив моё присутствие, вынырнула из-за крыльца с видом замёрзшим и несчастным. Жалобно заискрив, она скользнула в штанину, забралась по моей ноге и затаилась в привычном тепле. Я прислушалась к её лепету и нахмурилась. Дом её к себе не подпустил, и взломать его защиту не получилось. Ни одной щели, наледью плотно запечатано всё, от фундамента до крыши.

Посмотрим, крепко ли.

Я скинула капюшон, закрыла глаза и задержала дыхание. Холодная людская кровь, похожая на стылый сквозняк, гуляла далеко от меня, и ещё дальше ощущался Зим. Он до сих пор торчал около острога, а люди сгрудились у своих домов, наблюдая за волшбой. И немного времени и свободы у меня есть, и внезапное сияние никого не смутит. Вон как соседские дома светятся.

Подозрительно, если Виденово жилище будет не как все.

Вдох-выдох, и меня плащом окутало солнечное мерцание. Искры затрещали на одежде, взобрались по шее, спустились к земле, обтянули ладони перчатками. *Храните...* Поднявшись по ступеням, я нащупала скользкий бугорок ручки и, помня об особенностях местных домов, резко дёрнула дверь на себя. Наледь затрещала, но выдержала. Я дёрнула сильнее. Наледь хрустнула, и по двери пошли трещины. То, что надо.

Искры, сбегая с моей руки, проникали в трещины и пробирались под ледяную корку, разогревая дерево и камень. Дом слабо засветился. Наледь с двери осыпалась. И я сразу же почувствовала холод. Домдохнул *такой* стужей... Но, на наше с Шамиром счастье, пока лишь стужей – дыханием смертоносного холода. Ибо Стужа – это уже, не к ночи будь помянутый, один из Забытых.

Я добавила искристости, открыла дверь и мягко шагнула в ледяную тьму. На холоде кровь едва не вскипала, и от меня волнами расходился жар – прогревая камень, растапливая лёд на

полу и стенах. А искры закрутились живым вихрем, озаряя помещение – совершенно пустое, без мебели и межкомнатных перегородок. Прикрыв дверь, я осторожно отступила к стене.

Оно где-то здесь...

Старый дом хранил загадочную тишину. Я прислушивалась до звона в ушах, всматривалась в темноту до боли в глазах, но нечто не подавало признаков существования. Боялось, вдруг заметила Вёртка, шевельнувшись, боялось... огня, тепла и света. И, вдохнув-выдохнув, я решилась. Впитала искры-хранители, «остыла» и затаилась у стены. И начала считать: раз, два, три...

Оно ударило на тридцатом счёте. И появилось... отовсюду. Как ветер проникает в щели, порождая мелкие сквозняки, так и дыхание Стужи десятками тонких игл выскользнуло из стен и пола, острыми сосульками упало с потолка. Я едва успела вспыхнуть, защищаясь. Искры в мгновение ока соткались в плотный кокон, и холод сразу отступил, скрывшись в камне.

И вновь тишина. Звенящая, насторожённая, подобравшаяся, как зверь перед прыжком. Дыхание ждало моей ошибки, а я напряжённо думала. Это не живое существо, нет. Это просто ступор силы. Ледяная кровь – так её называли мои предки. Верный спутник Забытого, преданный и послушный пёс Стужи. Здесь, на привязи, он неопасен для людей – если они не сунутся в дом. Не будь поводка, давно бы сбежал. И подумалось: вот почему когда-то Зной, уничтожив часть города, не тронул остальное. Почувял, что Солнцесный... занят.

Неужто приснопамятная троица беглых знающих как-то смогла пробудить тварь от спячки?

Но как они узнали, где она спрятана? Даже мы до сих пор не знаем всех тайников Забытых. Мы помним всю историю, мы – хранители памяти Шамира, от момента нашего создания до... Но лишь Забытые нами упущены. Кем они были прежде, кем созданы, откуда взялись, куда внезапно исчезли – ничего этого в памяти моего народа нет. Мы смутно видели, как они шли по миру, уничтожая. И знали о тех, кто находился рядом с ними – и кто оставался сторожить завоёванные земли. Мы предполагали, что в уцелевших городах до сих пор находятся капканы на старую кровь, поэтому наведывались к людям редко и в основном по большим праздникам.

Предполагали, ощущали опасность – но понятия не имели, что капканы... *такие*. Шамир, как же мне не хватает знаний и доступа к древней памяти искрящих...

Дыхание Стужи осторожно, но зло напомнило о себе, взвившись вихрем и едва не сбив меня с ног, а пол стал очень скользким. Я крутанулась, с трудом удержалась от падения, вывалившись в центр помещения, и так же зло ударила в ответ солнечным ветром. Искры вмиг облетели дом и закрутились вокруг меня широкими кольцами, топя лёд и испаряя воду.

Ладно...

– Ты боишься тепла и света, – я прищурилась в ледяную тьму. – Боишься нападать, потому что не чувствуешь поддержки всемогущего хозяина. Но выбора у тебя нет. Ты на привязи, а те, кто мог бы тебя освободить, мертвы. Выходи. Не то буду выковыривать по капле из каждого камня, и плевать, сколько на это уйдёт времени. Выходи.

Раздвинув искрящуюся защиту, в мой круг шагнул мёртвый парень-знающий. Я опознала его сразу – всё то же сведённое судорогой неподвижное лицо, те же закатившиеся глаза, то же грязное тряпье. И распоротая Зимом рука. Кровь вместо льда, вспомнила я.

И – ледяная кровь... Как же я сразу-то не поняла...

– Что дальше, искра? – безжизненный голос. – Ты не знаешь, что делать с такими, как я, кроме как испуганно сиять. А я связан и не смогу дать тебе отпор. Что дальше?

Я мучительно пыталась вспомнить, но понимала, что он прав: *я не знаю, что с ними делать*. Кроме как защитно искрить и угрожать. И что он такое – просто ступор силы, укравший чужую внешность, или ещё и тело – то самое, замёрзшее и найденное не без странной

помощи Зима?.. У Забытых были разные помощники. Одни имели свои тела, другие вселялись в чужие, а третьи просто *выглядели* телом. И соответственно разнились их способности.

– Что ты такое? – я попыталась протянуть время, надеясь, что память зацепится за слово-образ и даст подсказку. – Кто тебя создал? Кто и как спрятал? И как разбудил?

На мёртвом лице появилась странная усмешка, скрюченные руки дёрнулись.

– Хозяин оставил сторожа, – глаза под прикрытыми веками страшно крутанулись. – Живого. Из своих, преданных. Род сторожей. Чтобы пробудили в нужный момент и поделились телом. Они умирали, но всегда кто-то один оставался. Держал. Этот смертный – сторож. Был. Жаль, не последний. Кто-то в его роду уцелел, раз дом не отпускает на волю. Но не это важно, искра. Важно, что хозяин возвращается.

У меня кровь застыла в жилах.

Стужа...

– Никто больше не мог рассказать *им* обо мне. Никто не ведал, где я. Никто не знал, как принести в жертву сторожа, чтобы пробудить меня. Никто. А я ему нужен – чтобы быстро находить таких, как ты. Я вас издали чую.

Да, никто не знал, даже мы... А вот две беглые знающие развели. И нашли, и втёрлись в доверие (или всё же подкупили), и принесли жертву, и пробудили. И, вероятно, это дыхание Стужи, очнувшись от забытья, выплеснуло в мир силу для преждевременной зимы. Но, на наше счастье, кто-то из семьи убитого летника уцелел и удержал тварь от побега. Случайно или нарочно – не суть важно. Важно иное.

Что делать с проклятым сгустком?

Что?..

– Да ничего, – мёртво ухмыльнулось дыхание Стужи. – Ты можешь уничтожить меня, искра. Но побоишься. Знаешь, что если разгоришься, побеждённых будет двое – мы оба. Ты сгоришь вместе со мной. Заживо. В своём же огне.

Верно. Но...

Я развела руки в стороны, и из моих ладоней брызнули новые искры, уплотняя кольцо.

– Я всё же попробую, – решила хрипло.

Была не была... И, Шамир, если я ещё нужна в этой истории – если я тебе ещё пригожусь... как-нибудь дай мне знать, когда *хватит*.

Комната наполнилась жаром, светом и паром – лёд испарялся, не успевая таять. Дыхание Стужи стояло смирно, по-прежнему нелепо кособочась и безразлично ухмыляясь. Ему было всё равно, а меня трясло. С некоторых пор я не проверяю себя и не рискую... *так*. Опасаюсь. Но, судя по словам сгустка, времени на страх у нас нет. Совсем.

– Я не первый, искра, – на синюшной коже заплескались подвижные закатные тени, – и я не последний. Не первый уходящий. И не последний пришедший. Может, правильнее и тебе уйти – со мной, сейчас? Пока старая кровь ещё способна решать и выбирать? Пока ей это *позволяют*?

Может быть.

Но у меня даже тени желания не возникло.

Искры взметнулись к потолку, пропитали камень и рухнули вниз раскалёнными слепящими лучами. Сгусток не шевельнулся и не издал ни звука, а вот мне стало нехорошо. Жарко – до желания сорвать и одежду... и кожу, душно – до коротких и частых жадных вдохов, ярко – до боли в глазах. Но я не опускала рук, насыщая кольцо новыми искрами, и губительное солнце лилось с потолка, превращая промозглую зиму в жаркое лето, испаряя, иссушая, сжигая, испепеляя.

Время остановилось. Глаза жгло. Грудь рвало сухим кашлем. И знать бы, что со сгустком... но я не знала. У старой крови странная сила – рвётся наружу стремительной горной

рекой, сметает всё на своём пути, обрушивается убийственным водопадом... А убил ли он, смёл ли, унёс ли прочь опасность, ты узнаёшь потом, когда или сила кончится... или ты.

Вёртка запищала внезапно, завозилась тревожно. Поколебавшись, я приняла это за вожделенный знак (*хватит!*) и опустила руки, свела ладони вместе, перекрывая поток. Протяжно вдохнула, впитывая силу, задержала дыхание, усваивая, выдохнула, успокаиваясь. И снова вдохнула. И снова. Пока не ощутила кожей, как через щели потянуло зимой. Открыла глаза и снова выдохнула – от облегчения.

Получилось...

От сгустка осталась лишь горстка седого пепла. И я – спасибо, Шамир! – по-прежнему была жива. А Вёртка, снова завозившись, сообщила: к дому кто-то идёт.

Я быстро сдула пепел и оправила одежду, накинув на голову капюшон. Шагнула к стене и прижалась к прохладному камню, стараясь остыть. Снова оглядела помещение, но не заметила ничего необычного. Кроме подозрительной себя. Сказать-то мне нечего.

– Ось? – на пороге предсказуемо возник Зим. – А ты что здесь делаешь?

– А ты? – я сделала вид, что ощупываю стену в поисках некоего тайника.

– Труп исчез, оставив ключ от дома, – мрачно поведал знающий. – А староста опознал, чью дверь ключ отпирает.

– А всё без толку, – лицемерно посетовала я. – Дом пуст. Мне на него эти... родичи указали. Что у них, что здесь – ничего интересного.

Дураком Зим не был и последние мозги пока не пропил.

– Да ну? – не поверил.

– Изучай, – разрешила я, отлипнув от стены. – Подожду.

Оставив знающего в доме, я вышла и села на крыльцо. И насладиться бы благословенным холодом... но мне было страшно, как никогда прежде.

«Я не первый, искра, – пронеслось в памяти ледяным ветром, – и я не последний».

Так сколько же вас, спрятанных? Сколько?.. И где? И только ли в городах, «чудом», как мы всерьёз полагали, уцелевших во времена Забытых? А ведь есть ещё и уничтоженные, на чьих руинах протянулись горы с пещерами, глубокие озёра или выросли одинокие хуторки и крошечные острожки...

Сколько?.. Хотя бы сгустков?

Я нервно зарылась пальцами в растрёпанные волосы. Меня одной не хватит, а мой народ покинет убежище лишь в самом крайнем случае. Мы очень не любим людей и не умеем нормально с ними общаться. И спрятались так, что никаким Забытым не найти. А если они вернутся... Имеем ли мы право рисковать собой, когда точно знаем, что (вернее, кто) нужно Забытым? И это отнюдь не люди. Которые, не владея никакой магией, уцелели тогда и имеют все шансы выжить снова. В отличие от старой крови.

Пустить всё на самотёк или вспомнить, что, кроме прочего, я – знающая? И *обязана* служить Шамиру, отработывая долг второй жизни? Не говоря уж о том, что, да, мы слишком хорошо помним прошлое и не хотим его повторения, а беду лучше задавить в зародыше?

Тьма, свет и все гиблые затмения...

– Ты чего-то недоговариваешь, – заметил с порога Зим. – Где труп?

– Видимо, чары «воронки» поглотили, – соврала я устало. Надо посоветоваться с мамой. Или с дедом. Очень надо. – Выезжаем?

Но прежде – выбраться из этого захолустья. С робкой надеждой, что другой гадости в Солнечной долине нет. И местные по сути «виноваты» лишь в том, что обитают на самом краю Обжитых земель, где знающие – большая редкость, где можно проворачивать любые тёмные делишки. Там, за горным хребтом, простирались пределы Забытых, куда по опасным перевалам рисковали ходить за сокровищами лишь очень глупые хладнокровные. Ледяные остроги. Затопленные города. Выжженные пустополя. Ветряные дальники.

И не понеси меня сюда с обходом – и не застрянь я здесь...

Да, Шамир, я поняла. И... постараюсь. Я ещё не умею читать кровь так, чтобы из пары капель за несколько мгновений вытягивать всю память, до последней мысли. И доступа к памяти предков у меня тоже пока нет – не доросла. И кровного наставителя не заслужила. И обнаруживать себя как искрящую мне нежелательно. Но я постараюсь накопать столько, сколько получится, чтобы знающим хватило для веры и работы, а моему народу – для понимания обстановки. Я поняла.

Кроме...

– Шамир, скажи честно, – попросила тихо, – что в долине нет других гадостей. Пожалуйста. Впредь я буду всё учитывать сама, не тревожа тебя, а пока... Я хочу уехать отсюда уверенной, что здесь нет ни других сгустков, ни пропавшего Дорога. Ответь. Прошу.

...которого вполне могла сцапать тварь типа дыхания Стужи. Пишущие любят уединение и скрытые, заброшенные места, где тихо, спокойно и никто не потревожит, – подземелья, пещеры, колодцы. И создания Забытых их тоже очень любят. Жаль, кровь Мирны не сохранила память о доме – хотя бы в долине он находится или нет. Сразу бы всё упростилось – минус одно место. Но просто в Шамире ничего не бывает.

Мир молчал долго. Так долго, что я успела полностью остыть на ледяном ветру и почти решила надолго расстаться с Вёрткой, отправив её на задание. И Зим, судя по недовольному сопению на пороге, закончил осматривать дом – безрезультатно. Шамир предпочитал не вмешиваться в дела смертных – он дал нам жизнь и считал своё дело сделанным. И крайне редко вступал в разговор, и ещё реже помогал.

Но сегодня он внезапно помог мне. И сейчас ответил. В душе появилась твёрдая уверенность – надо уезжать. Немедленно. И перед мысленным взором мелькнул образ колодца – и туманной твари внизу, тянущей щупальца к босым ногам. И зависших в воздухе слов – косая вязь красных букв. И новая уверенность – не здесь. Колодец – не здесь. Мать уехала на ярмарку в Солнечную долину, а сын – нет. Они должны были встретиться в Солнцедивном, да не вышло.

Я поёжилась и встала. Дело хуже, чем я думала... Намного хуже, если Шамир вдруг стал таким отзывчивым...

– Так что это за чалка из Солнцедивного? С травками для супов?

Я вздрогнула от неожиданности и выдала наспех состряпанную легенду:

– Нет её. Гиблая тропа забрала. Здешние родичи этой чалки называли имена хозяев постоянного двора, в котором я останавливалась. И там я столкнулась с какой-то беглой знающей в обличье хозяйки. Ты же знаешь, не все в общину вступают, кто-то пытается сам выжить. И нас, общинных, боятся. Ну и... я защищалась. Боюсь, мы ничего больше не узнаем. И я... не нарочно. Она первая начала.

Взгляд Зима стал таким тяжёлым, что я затылком его почувствовала. И поняла – не верит. Кстати, я бы тоже не поверила. И проверила бы, вернувшись в столичный город и опросив сопричастных. Но, к счастью, у нас нет на это времени.

– Ладно. Поехали, – проворчал он и пронзительно глянул на меня сверху вниз. – Но имей в виду, Ось, глаз с тебя не спущу. Ты что-то скрываешь, и я узнаю, что именно.

Я безразлично пожала плечами и отправилась к воротам. Догорающие костры, радостные восклицания, запахи медового сбитня, дружно утепляющие свои дома люди и никакой наледи. Ветер срывал капюшон, тяжёлые тучи осыпались первыми мелкими снежинками.

– О тебе говорят, что ты старой крови, – знающий не сводил с меня настырного взгляда. – Это правда?

Я снова молча пожала плечами и прихватила, удерживая, капюшон.

Зим сообразил, что ничего полезного из меня не вытянет, ругнулся тихо и сменил тему:

– Извозчика где найти?

– Он уже нас ждёт, – я легко проскользнула в щель между воротами.

Прижимистый Норов не рискнул оставлять сани без присмотра. Замёрзший, он ворчал, ругался сам с собой и приплясывал на холодном ветру. При виде меня извозчик подбочился и заявил:

– Раз ты, чали, отдыха лишила, то тебе и работу давать! Куда хошь отвезу, но тута не останусь!

Я усмехнулась и кивнула. Предчувствовала, что так всё и... продолжится.

– Чего лишила? – переспросил Зим. – Какого отдыха?

– Вы подружитесь, – отмахнулась я. – У вас много общего. Сани не почищишь?

Норов пронзительно свистнул, подзывая пса. Знающий направил ветер на сани, напоминающие сугроб, снося снег. В лесу взвыло, захрипело, затрещало, и из сумрачно-снежной мглы вынырнул, на ходу что-то дожёвывая, ездовой пёс. Я, прохаживаясь мимо Норова, украдкой сунула ему за пазуху согревающую искорку. Сосулька вместо извозчика нам не нужна. Он сразу потёр согревающиеся руки, повеселел. Зим глянул на него с подозрением, но промолчал.

– С ветерком прокачу, чалиры, – бодро заверил Норов, распутывая упряжь. – Куды трогать?

– Из долины, к центральному северному, – озвучил общее мнение знающий. – И чем скорее, тем лучше.

– С ветерком домчу, – повторил извозчик, лихо сдвигая на затылок шапку.

Закончив запрягать, он снова стряхнул с саней снег и поднял с сиденья огромный старый тулуп. Явно для меня. И я послушно забралась под него и позволила себя укутать, хотя с удовольствием бы и так поехала, да ещё бы куртку с сапогами сняла. И поела. Ужасно хотелось есть и спать. Усталость подкрадывалась неспешно, незаметно и неумолимо. Так, что у меня с собой из припасов, пока не помчали по бездорожью...

Зим и Норов, отойдя от саней, тихо засовещались – как ехать, сколько выдержит пёс, стоит ли останавливаться и где, как знающему расчищать путь... Я, вяло прислушиваясь, сосредоточенно грызла бублик и закусывала увядшим укропом. Очень надо связаться с роднёй и рассказать обо всём. Конечно, мама может и сама узнать, если захочет и соберётся – кровью общая. Но мне надо не только доложить. Мне нужны советы. Прежде она хотя бы раз в четверть проверяла, как у меня дела. Хорошо, если и теперь, озаботившись ранней зимой, посмотрит и вышлет весточку с подсказкой.

Но всё равно – надо.

Приморозило, и наметилась выюга. Вокруг саней взвились снежные завихрения, на лес упала молочная пелена, изо рта вырывались клочья пара. Мои попутчики закончили совещаться и вместе, едва поместившись, устроились на облучке. Я прикинула время и решила, что к середине ночи. Догрызла укропную веточку и кое-как устроилась подремать. Хотя немного, сколько получится. Зим обещал непогоду, и моё чутьё с ним соглашалось.

Зима в этом году будет очень сердитой. Выбраться бы без потерь на Центральный северный путь...

Глава 3. Злая зима

– Ось, ну ты скоро? – раздался из-за леса недовольный голос Зима. – Сколько ж можно?!

– Нужда таких вопросов не понимает, – огрызнулась я, заканчивая «письмо». – Сколько нужно – столько нужно. Если не терпится... сам сходи!

Мысль об острой нужде – и подальше от попутчиков – удачно посетила меня к вечеру, когда я немного выпалась в санях и оклемалась после уничтожения сгустка. На просьбу о длинной тропе в сугробах Зим смерил меня подозрительным взглядом, но мне удалось прилично изобразить «ой-хачу-ни-магу!...», и знающий сдался. А у меня наконец появилась возможность написать маме и рассказать обо всём, случившемся в долине.

И не просто написать. Сидя на снегу, я вновь и вновь прокручивала в памяти самые важные события. Просьбу Мирны и её посмертную тень. Короткую «беседу» с Тихной. Находку в очаге. Убитого летника и чары «воронки». Дом торговца и дыхание Стужи. И впечатывала в свою кровь каждый образ, каждое слово – так, чтобы родичи не просто прочитали память. Так, чтобы они увидели всё моими глазами. И так, чтобы образы пришли к ним сами, в ближайшем же сне, без просьб и обращений.

У нас нет времени на долгое ожидание. Хотя мне так хочется, чтобы я ошибалась по неопытности и малолетству...

– Ося! – снова раздалось из-за леса возмущённое. – Темнеет!

Ай, какая разница?... Что здесь лес – что через десять вёрст... Я худо-бедно помнила карту долины: неприступный хребет полукругом, один выезд из долины на Серединную равнину – ущелье Врата, три города близ гор. Всё остальное – дикий лес и отдельные, опустевшие с приходом зимы деревушки и хуторки. Единственная дорога разделяла долину надвое, развилками уходя к мелким поселениям и двум городам, обрываясь у третьего. И, конечно, ни на какие ночевки в города мы заезжать не будем, чтобы не терять время.

Да, время...

Я закончила с «письмом», застегнула куртку и поспешила обратно, решив первым делом, когда выберемся из долины, одеться по погоде. Пусть жарко. Зато не подозрительно.

До Врат – три-четыре дня пути. Я сунулась сюда, полагая, что успею к центральному северному до снегов. Один день уже подходил к концу. Мы двигались небыстро – Зим прокладывал дорогу на совесть, чтобы чары держались крепко и дорогу до весны не заметало, – но и надолго в сугробах не застревали. Знающий заранее предвкушал скорый конец пути, а вот меня грызли сомнения и беспокойство. Я с утра ощущала что-то, чему никак не могла найти ни объяснения, ни обоснования. Или хотя бы названия.

У саней я остановилась, встревоженно оглядевшись. Старый еловый лес стоял непроходимой чёрной стеной. Тучи опустились так низко, что, казалось, вот-вот застрянут в древесных макушках. Зим расчистил дорогу, и покрытые коркой льда снежные стены вставали выше моего роста. Снег то лениво кружил в холодном безветрии, то, подхваченный резким порывом, накрывал мир пуховым одеялом.

И никто ничего странного не ощущал. Даже пёс. На него я, признаться, надеялась особо. Его древняя, волшебная, сложная природа и животные инстинкты обязательно должны обнаружить непонятное. Но пёс под моим внимательным взглядом лишь протяжно зевнул, встряхнулся и почесал задней лапой за ухом. На меня он смотрел с опаской, но без прежнего страха. И вёл себя как обычно.

Или просто хорошо притворялся, чтобы не наводить смуту.

Я нырнула под тулуп, и пёс рванул по расчищенной дороге. Съёжившись на жёсткой лавке, я зажмурилась и попыталась понять: что именно чувствуется? Что мне это напоминает?

У моего народа есть много врождённых навыков, которые проявляются сами по себе в своё время. И, может, это именно оно – проявление. А может, и нет. Но пока пёс не нервничает, хочется верить именно в первое. А оно, поberi его Забытые, напоминает просто предчувствие. Пока.

Парни на облучке беспрестанно о чём-то шептались, и, прислушавшись, я разобрала слово «поляна». Зачем? Снежный дом можно и на дороге построить – и вряд ли он помешает обитателям долины. Всё, дорожная жизнь здесь замерла до оттепели. Редкие отважные ребята, конечно, будут рисковать и гонять из города в город, но изредка и по очень большой нужде. Зачем?..

Зиму, однако, было виднее, и вожака поляну он нашёл сразу после наступления темноты. Я с удовольствием выбралась из саней и запрыгала по дороге, разминаясь, а распряжённый пёс с таким же удовольствием рванул в лес. Зевающий Норов закопался под сиденья, выбрасывая на дорогу сухие ветки и щепки, а знающий исчез в лесу, прежде пробив в снежной стене проход и проложив плотную тропу.

– Жрать охота, – посетовал Норов, почёсывая живот. – Чали, у тебя будет чего погрызть?

Я зарылась в сумку. Мы так спешили убраться из Солнцеесного и опередить обещанную Зимом месть разбуженной стихии, что совершенно не позаботились о припасах. У знающего даже дорожной сумки не было – каким я его разбудила, таким он в путь и отправился, а у меня после лавок Солнцедивного осталось лишь немного бубликов и укропа. Но да извозчик нам нужен живым и полным сил...

Отдав Норову тёплые бублики, я украдкой подбросила в карман его тулупа пару искр – согреть одежду и обувь. И зажевала ветку укропа. В отличие от людей, страдающих в холода повышенным обжорством, я, наоборот, насыщалась силой и могла несколько дней не есть вообще. Но вот чайку бы... не отказалась. У меня и травка подходящая есть.

Первым вернулся пёс, сбросив к хозяйским валенкам чью-то несчастную тушку. Меня слегка замутило. Дорожная жизнь – дорожной жизнью, но от такого откровенного «мяса» мне со времён Гиблой тропы было не по себе. Норов просиял, потрепал пса по морде и снова нырнул под сиденье, выгребая оттуда помятый котелок, вертел, рогатины, нож и прочие необходимые для решения многих проблем вещи.

Пёс опять перемахнул через снежную стену и скрылся в лесу, зато появился Зим. При виде тушки он одобрительно хмыкнул, сгрёб дрова и отправился обратно. Норов подхватил походное добро. А мне остались только тулуп... и совесть.

Знающий работал и не жаловался, но едва мы остановились, я сразу заметила на его руках кровь – морозные трещины вскрылись от напряжения. И мне стало очень стыдно и противно на душе. Я ведь могла без особых затрат проложить длинный солнечный путь – и растопить снег, и прогреть землю, чтобы она забрала воду. Но открываться... нельзя. Разве что по чуть-чуть, не привлекая внимания, удлинять проложенную Зимом дорогу...

Поколебавшись, я решила с утра послать на расчистку пути Вёртку, прихватила тулуп и отправилась вслед за своими спутниками. Мимо густых елей, отводя тяжёлые лапы, осторожно и медленно, чтобы не получить веткой по лицу. К небольшой полянке, на которой гордо возвышался огромный сугроб с чёрной дырой – входом. В полнейшей, напряжённо замершей тишине – ни птиц, ни зверья. Природа затаилась, словно выжидая.

– Ось, наломай лап, – раздалось из сугроба. – У тебя же осталось немного силы?

– Да, – коротко отозвалась я.

Сбросила у входа тулуп и отправилась выполнять наказ. Пока никто за мной не наблюдал – с помощью подручных искорок. А когда Вёртка предупредила о появлении Зима, я села на еловые лапы и устало вытянула ноги. Это ужасно – не иметь возможности быть собой, чаровать не скрываясь и без страха...

Знающий посмотрел на меня с подозрением, к которому я уже начала привыкать, сгрёб еловые лапы в охапку и исчез в сугробе. Вёртка сразу же передала, что «можно». Я вскочила на ноги и быстро нарезала ещё с десятков лап. Внизу они росли огромными, пушистыми, пышными. Штук пять вполне стодится для одной удобной лежанки.

Зим опять выбрался из сугроба, оценил мою работу, скомандовал «хватит» и забрал ветки. А мне опять достался неприкаянный тулуп. Я ещё немного побродила вокруг сугроба, услышала: «Ось, ужин!» и, пропихнув вперёд себя тулуп, пригнулась и просочилась в сугроб.

Насчёт ужина знающий зачем-то пошутил – вода в котелке едва закипала, и нечто, похожее на мясо, трепыхалось на поверхности. Норов закончил сооружать третью лежанку, почесал в затылке и скривился, проворчав: «Сыро!» Дрова тоже еле теплились. Я закатала рукав и с сожалением использовала одно из последних осенних заклятий, просушивая и ветки, и дрова, и одежду.

Костерок у дальней стены сразу затрещал веселее. С низкого потолка закапало, но Зим приморозил подтопленное, заодно уменьшив «дверной» проём. Сам он – зимник же – мог долго обходиться без тепла, «прогреваясь» работой с чарами, но вот второй хладнокровный... В сугробе (да рядом с костром) было довольно тепло – для меня даже слишком, но извозчик, промёрзший за день на облучке, ёжился и очень старался не стучать зубами.

– Оденься, – я бросила Норову согретый тулуп.

И села на лежак, закопавшись в сумку. Так, укроп, чайные травы, три бублика...

В сугробе быстро стало душно и жарко. Дым от костра и варева поднимался к потолку, но, как я слышала, никаких «труб» в снежных домах быть не должно, только низкий вход. Всё для сохранения тепла. Я поёрзала, привалилась к стене и закрыла глаза. Норов, судя по сопению, тоже устало задремал. Только Зим бдел – и за едой, и за огнём, и за погодой.

Я проснулась внезапно, когда за моей спиной задрожала стена. И сразу же услышала разочарованный вой – голодный, сердитый. Дом вздрогнул, но выдержал. Я выпрямилась и встретила взгляд сразу двух внимательных пар глаз – Зима и пса, который успел просочиться в дом и теперь занимал собой едва ли не всё свободное пространство. Под его боком, согревшись, счастливо похрапывал Норов.

– Начинается, – негромкой заметил знающий, помешивая «суп» единственной ложкой. – Слышишь?

Снова сердито взвыло. Раздался глухой удар, и дом-сугроб трянуло так, что с потолка посыпалась наледь.

– Выдержит, – Зим снял с огня котелок и протянул мне. – Доедай, пока горячее.

Я ещё не проголодалась, но по человеческой природе должна бы, поэтому взяла котелок и доела остатки супа. Остальные, судя по всему, поели, пока я спала. Знающий тщательно вычистил пустой котелок снежком, насыпал с руки снега и снова подвесил над огнём – для чая.

– Проследишь? Посплю.

Я молча кивнула. Зим растянулся на лежанке, отвернулся к стене и сразу же засопел. Но – чутко. Очень чутко, подтвердила и Вёртка, «предупреждая», что искрами баловаться не стоит. Да и пёс к магии не располагал. Он лежал неподвижно, зажмурившись, но я остро ощущала – не спал. Конечно, пёс никому ничего не расскажет, но вот среагировать на простейшие чары может непредсказуемо.

А зима злилась, безумствуя: дом дрожал, осыпаясь снежной крошкой, вой стоял такой, что закладывало уши. Снег в котелке растаял, и вода начала закипать. Поворошив палкой угли и подбросив в огонь пару веток, я высыпала в воду травы. И, помешивая чай, думала.

Ещё сочиняя маме послание, я сообразила, что разбудить сгусток не так-то просто. Могла ли справиться с этим одна знающая? Или их всё-таки было двое – Тихна и Горда? И если Тихна под прикрытием «родичей» проникла в город давно и беспрепятственно, то Горда могла отсидеться в одной из ближайших деревень, а потом или невидимкой проскочить, или под тем

же чужим обличем. Тогда она, конечно, рванула из долины и опережает меня ненамного – на всё те же четыре-пять дней, и я вполне могу настигнуть её на центральном северном. Зима затруднит ей передвижение так же, как и мне.

А второй мучивший меня вопрос: зачем? Зачем они разбудили дыхание Стужи? Он бы им не подчинился – он послушен лишь хозяину. Остальные, даже сторож и его семья, вряд ли имеют власть над сгустком. Держат сонные чары – и только. Так зачем? И единственный ответ: плата. Они сделали это в обмен на знания. Второй вопрос – зачем будить сгусток – ответ имел простой и страшный: искать старую кровь. Именно для этого они и создавались.

И значит ли это, что создатель Забытых до сих пор жив? Вполне, хотя прошли сотни лет. Старая кровь проживёт пять-семь человеческих жизней, а если есть цель, то и больше. И, кроме искрящих, говорящих и пишущих, есть безлетные – древняя, первая ветвь старой крови, которая является единственным живущим вечно народом. Но в её причастность я не верю. Им давно слишком... всё равно. И вообще: зачем старой крови истреблять своих? Незачем. А вот люди...

Людам изначально не полагалось ни капли силы. Знающих до Забытых не существовало, и это точно. Они появились после, «унаследовав» растворённую в мире силу старой крови. И к этой мысли склонялись многие искрящие: люди. Именно они в основном становятся знающими. Старой крови среди меченых я почти не встречала. На огромную, больше сотни людей, общину нас было всего четверо. И сейчас, с тем, как развиваются события, я склонялась к тому, что Шамир дал мне шанс... чтобы не допустить беды. Чтобы в центре событий оказался хоть кто-то... помнящий.

– Ты знаешь, – прошептала я, и моя рука замерла над чаем. – Ты понимаешь, что происходит. Ты... ты предвидел. Ты наблюдал. И узнал. Почему же ты не можешь сам убрать того, кто собирается начать новое бедствие?..

Спросила – просто так. Ответ на этот вопрос я знала давно. Есть дети любимые, есть – не очень. Но и те и другие – дети. И вторым из жалости и надежды на чудо, ощущая свою вину за «недовоспитание» или всё ту же нелюбовь, родители порой помогают больше, чем любимым. Шамир ничего не сделает ни новым Забытым, ни их создателю – или создателям. Ничего... кроме меня и ещё пары знающих старой крови. И ещё чего-нибудь – нам помогающего.

Надо встретиться со знающими старой крови при случае. Обязательно.

Я вновь вернулась к помешиванию – и к людям. Или существует некий род-наследник, или... Знающие тоже живут очень долго. Мой наставитель-человек, по слухам, приближается к первой сотне лет. Меченые силой медленно, очень медленно стареют, почти не болеют и, исправно работая на благо Шамира, способны переплунуть в долгожительстве даже искрящих. Но как они додумались? Где раздобыли знания? Почему начали будить спящее зло именно сейчас? И под чьим руководством? И что ещё восстанет из небытия, чья тень поползёт по снегу следующей?..

Ничто не возникает из ниоткуда, всему есть причины. И объяснение.

Чай сготовился. Отложив ложку, я снова привалилась к стене и вспоминала, вспоминала, вспоминала. Мы много думали о происхождении Забытых и имели несколько версий. Неужто придётся проверять их все?.. Прежде то руки не доходили – слишком нас осталось мало, то страхом накрывало – опять же, нас *очень* мало. А теперь... Как бы не было поздно.

А зима всё не унималась. Рычала, скреблась, билась, как зверь в силке. Дом дрожал так, что порой становилась жутко и неуютно, несмотря на огонь и запах чая. После каждого сильного удара в воздухе возникала «пылевая завеса» из мелкого снега и льда.

– Ось, а что ты всё-таки нашла в том доме?

Я невольно вздрогнула. Зим проснулся и сидел, глядя на меня в упор через костёр. Сказать – опять не поверит, не сказать – не отстанет...

– Это связано... с Забытыми, – ответила я с запинкой.

Знающий недоверчиво поднял брови:

– Что? С кем?

Я посмотрела на него порицающе:

– Зим, не дури. Ты же знающий. Тебе нельзя не знать историю мира и особенно период Забытых.

– Я слышал эти сказки много раз, – он улыбнулся. – И не очень-то в них верю. А ты, похоже, очень?

– Я не просто верю, – я поджала губы. – Я *знаю*, что Забытые были.

И знаю, что ещё будут.

– Интересно... – Зим прищурился. – В старых книгах о них почти нет упоминаний – кто такие, откуда взялись, куда пропали. Забытые остались лишь в людских сказках, ночных пугалках да проклятиях. Почему? И каждое следующее поколение верит в них всё меньше. И я сам, если честно, иногда думаю, что не было никаких могущественных чаровников. Были могущественные стихийные бедствия, из-за которых люди вынужденно бросили одни земли и перебрались в другие. А? Что скажешь?

– Учиться лучше надо, – отрезала я.

Зим снова улыбнулся, зачерпнул единственной кружкой чай из котелка и предложил:

– Докажи. Назови четыре памятных места. Их ведь было четверо? Стужа, Потоп, Зной и Буря. Четыре места – по одному на каждого. Где бы осталась память нестихийного свойства. Здесь, Ось. Места Обжитых земель. Которые можно навестить, увидеть и потрогать.

– Тебе, может, и существование души мира доказывать надо? – я тоже улыбнулась. – В Шамира ты тоже не веришь и считаешь его сказкой?

– Ну... – Зим чуть не поперхнулся чаем. – Ну ты сравнила...

– Вот именно, – я откинулась на стену и вытянула ноги. – И Шамир, и Забытые незримы. Знаний о них мало, одни догадки да сказки. И одна общая основа – вера. Неужели Гиблая тропа не научила тебя тому, что всё в этом мире возможно?

Он слегка смутился.

– Я не смогу ответить на твой вопрос, и ты об этом знаешь, – я прикрыла глаза. – Тут следов Забытых очень мало – на Обжитых землях они развернуться не успели. Говорят, появились – и пропали. И то не все, лишь Зной со Стужей здесь побывали. Когда люди почуяли беду – они, конечно, побежали. И Забытые протянули горы, чтобы запереть выживших в западне своих пределов, прошлись немного по местным долинам и... всё. Исчезли. Я не верю в сказки, Зим, и не буду их выдумывать в угоду тебе. Но я – знающая и верю в правду. Вот о ней могу говорить, если знаю хоть немного. Пей чай. И не тереби меня попусту.

Зим глянул досадливо, но чаем занялся. А я слушала зимнюю бурю, дышала чайными травами и дымком от костра. И вспоминала – всё, что мне рассказывали о Забытых в семье. Мама. Дед. Память предков. А остальная моя семья сторела в огне собственной силы, пытаясь обуздать её и нащупать новые возможности. Как и я когда-то. Как и многие до меня – такова участь большинства искрящих. И лишь мне Шамир дал шанс. Прежде я ломала голову – почему. А теперь понимаю: так совпало. Наверное. Может, ещё что-то было, чего я пока не могу понять в силу молодости и недоученности.

– И всё же, – снова подал голос Зим, – что ты нашла в том доме? Как оно связано с Забытыми?

Достал, хладнокровный...

Я открыла глаза и посмотрела на него в упор:

– А ты подумай. Вспомни всё, что знаешь. И докажи, что веришь. Назови памятные места, Зим. Здесь, в долине. Они есть, эти места. Найдёшь и обоснуешь – может быть, поделюсь. Ты не нуждаешься в тепле и не ощущаешь его, как и холода, так смысл рассказывать тебе, зачем нужен натопленный дом или большой костёр? Смысл рассказывать о забытом тому, кто

не хочет верить, знать и вспоминать? Я донесу нужные сведения до своего наставителя, как положено. И закончим на этом.

Я накинула на голову капюшон и растянулась на лежаке. И почти сразу раздался сухой треск и запахло хвоей – Зим нервно ломал веточки. Понимая, что он не отстанет – хотя его происшествие в доме никоим боком не касается, мы не обязаны работать в парах и отчитываться друг перед другом, если не считаем нужным, – я заготовила ответ. Неприятный.

– Однако, Ось... – помявшись, снова начал знающий.

– Говорят, – спокойно перебила я, – что после Гиблой тропы люди теряют всё. Прежние знания и умения, частично память, частично – нрав. Единственное, что и остаётся неизменным, и проявляется в увеличенном виде, – то, что стало внутренней причиной смерти. Думаю, Зим, тебя сгубило непомерное любопытство. Сунул нос, куда не следует, – и оказался одной ногой на Гиблой тропе. Так?

– Не твоё дело, – он резко замкнулся в себе.

– Запомни эти слова, – я расслабленно закинула руки за голову. – И говори их себе почаще, когда интересуешься тем, что тебя не касается. Извини за резкость. В следующий раз нагрублю. И будь добр, проветри. Нам-то с тобой всё ничего, мы почти бессмертны, пока честно трудимся на благо Шамира, а вот парень – человек. Может и не проснуться от дыма.

Зим недовольно засопел, и веточки так и захрустели в его пальцах. Но больше я не услышала от него ни слова, и по полу потянуло замечательно ледяным сквозняком. Я закрыла глаза и погрузилась в короткую дрему. И хорошо бы, мама приснилась... Хотя путь ко мне ей каждый раз отыскивать непросто – Гиблая тропа и инородная сила путают даже кровные связи. Но прежде у неё получалось, и теперь получится. Обязательно.

Я проснулась резко и от странного ощущения. Чего-то не хватало... Я села, повернулась и встретила застывший взгляд Зима. Норов тоже проснулся и отчаянно тёр лицо собранным с пола снегом. Пёс чутко замер, поводя ушами. И было... тихо. Очень тихо. Сугроб больше не вздрагивал, и зима не ломилась к нашему костерку. А знающий шевелил губами, будто... считал.

– Собираемся, – велел он сипло. – Очень быстро. Это не конец. Временное затишье. Все на выход! Быстро-быстро!

Норов сгрёбся мгновенно. Только что зевал – и вот уже сноровисто собирает котелки-кружки. Я привычно прихватила тулуп. Зим одним ударом пробил стену и вышел первым. Пёс – за ним. А следом, переглянувшись, мы с извозчиком.

Знающий устремился вперёд почти бегом, и за ним пушистым хвостом потянулся растревоженный снег. Слетая с занесённой тропы, он быстро и послушно укладывался в высокие сугробы. Тропку Зим прокладывал узкую – двум встречным не разойдись, – но нам хватило. Я даже оглядеться успела – ничего не видно из-за снежной завесы, кроме сумерек. Раннее утро. Едва светает.

Ездовой пёс живо нашёл в снегу сани, Зим шустро их выкопал и, пока Норов запрягал, расчистил дорогу. Пользуясь всеобщей отвлечённостью, я шёпотом велела Вёртке двигаться впереди нас и прогревать тропу, удлиняя проложенный путь. И пусть знающий снова заподозрит меня в непонятном. Не позволяет мне совесть ехать на чужом горбу при здоровых ногах.

Сани полетели по свежему снегу быстро и задорно. Подставив лицо ветру, я снова прислушалась к себе и поняла: предчувствие вернулось. В покое оно замерло, уснуло пригревшейся кошкой, спрятав мордочку в пушистом хвосте, а сейчас снова появилось. Зевнуло, потянулось, запустив в меня коготки, и уселось. Ждать. И я ощутила его острее, чем вчера. И снова оно почудилось неопасным.

И я тоже... подожду.

Затишье оказалось удивительно долгим – мы ехали до поздних сумерек. И, наверное, двигались бы и дальше, если бы Зим видел в темноте, как мы с псом. Но знающий скомандовал

привал, хотя зима не подавала признаков злости. Ни дуновения ветра, ни снегопадов. Даже солнце несколько раз приветливо выглянуло из-за туч, и свежий снег в его лучах вспыхнул сотнями искр – на пуховом покрывале сугробов, на разлапистых елях, в морозном воздухе.

Однако едва стемнело, Зим снова нашёл поляну и обустроил очередной сугроб. Пёс за это время опять быстро сбегал на охоту и притащил несчастное пожёванное тельце. И, казалось, всё будет как вчера – и зима привычно рассердится, и ночь отзеркалит ночью.

Но – нет.

Когда голодный Норов, на завтрак и обед сжевавший мои последние бублики, скрылся с тушкой и котелком в снежном доме, Зим отозвал меня в сторону и прямо спросил:

– Сколько у тебя чар осталось? Ты же запаслась загодя?

– Мало, – недовольно сморщилась я. – Пять-семь. Из них лишь три – сильные. Вернее, они были бы сильными в мой сезон. Сейчас... увы. Осени в них – три капли вместо сотни. А что? – и насторожилась. – Кто?

Знающий оглянулся на сугроб, наклонился ко мне и шепнул:

– Дети зимы. Голодная стая.

Я невольно сглотнула:

– Где?

– Пока далеко, но я их уже слышу. Думаю, к середине ночи будут. И их так много, что бежать уже некуда. Сметут.

Дети зимы – малоизученная и бесконечно опасная волшебная необычность. Зачем Шамир их создал, никто не понимал, но – зачем-то создал. Существа, сотканные из льда и снега, появлялись с началом зимы и проносились подобно горной лавине, сметая всё на своём пути, словно зверским голодом одержимые. Они ничего не боялись и не видели препятствий. Но, как и всё снежное, были чувствительны к теплу. И к непреодолимым препятствиям в виде гор и прочных городских стен, о которые разбивались, превращаясь в мёртвый снег. Но до тех пор могли натворить много бед.

Шамир из всех сил старался сделать так, чтобы стая появлялась только раз в сезон и в пустынных местах, подальше от людей. А одинокие спутники... сами виноваты.

– Ось, – тихий голос Зима стал смущённым. – Ты не ругайся, но... У тебя есть... ещё что-нибудь? Ну, э... Ну что-нибудь?.. Я поставлю стену... но не уверен, что её хватит. Я же не Забытый, чтобы горы возводить. Первый десяток разобьётся, но второй проломит.

– Есть, – поколебавшись, призналась я. – Но ты не должен этого видеть.

– Твой план? – с готовностью уточнил он.

Я тоже оглянулась на сугроб, хмуро посмотрела на древние ели и решила:

– Проложи тропы в том направлении, откуда прибежит стая. Я пойду в лес одна. *Одна*, Зим. Расставляю силки и прорежу тварей. Ты за мной не пойдёшь. Останься здесь. Я вернусь, когда закончу.

– Успеешь? – засомневался знающий.

– Успею, – кивнула я. – Но на всякий случай не жди. Я смогу спрятаться и найти безопасное место, чтобы переждать. Защити человека.

...этот несчастный парень виноват лишь в том, что его матушке сильно не нравилось, как он отдыхает.

Зим посмотрел на меня с недоверием, но спорить не стал. Отошёл в сторону, присел, зарылся пальцами в снег, и тот сам собой стал проседать и уплотняться, образуя несколько троп, разбегающихся в трёх направлениях. Я мысленно окликнула Вёртку и назначила место встречи. И снова перебрала в памяти то, что знала о голодной стае.

Не съем, так хоть понакусая... Всех не перебыю и не смогу развернуть поток тварей в другую сторону, но проредить сумею.

Подмигнув Зиму, я сунула руки в карманы куртки и поспешила в лес. И уж чего не ожидала...

– Зачем идёшь? – я обернулась и встретила мудрый светлый взгляд ездового пса. – Напугаю ведь. Ты же не любишь мой огонь.

Он мотнул косматой головой, ощерился и, облаком тумана просочившись вперёд меня, неспешно потрусил по тропе в лес. Который, закутанный в пушистое одеяло, ещё казался таким обманчиво спокойным, мирным, тихим, сонным и безопасным. Даже не верится, что его вот-вот наводнят бездушные ледяные твари...

Утоптанная тропа уверенно петляла вдоль высоких сугробов и старых елей. Пёс опережал меня на несколько шагов и двигался неспешно, лениво. Не торопясь. Заразительно спокойно. И успокаивая.

И я успокоилась. Невольно подстроилась под его шаг и перебрала все доступные мне силки. Не так уж много – но и не так уж мало. И большего пока не дано – но и меньшего уже не отнять.

Интересно, сколько рассерженная зима сотворит деток на этот раз? Обычно стаи собирались небольшие – двадцать-тридцать голов. Но нынче время необычное, а значит, и тварей может быть под сотню. Если повезёт. Если очень повезёт.

Пёс понимал, что чем дальше мы отойдём от стоянки, тем лучше – тем меньше отголосков и отблесков силы докатится до Зима. И целенаправленно вёл меня в древнюю чащу. Мощные лапы елей сплетались в колючую многоярусную изгородь, макушки сливались с чернотой неба, стволы – не обхватить и троим, и пятерым. То низко наклоняясь, то изгибаясь, я проскальзывала в игольчатые просветы, а впереди мелькал путеводно серый хвост.

И, в очередной раз наклонившись, я заметила, что иду уже не по тропе Зима, а по следам пса. По проложенной им дорожке.

– Куда? – я остановилась, насторожившись. – Куда ты меня ведёшь?

Он не ответил. Лишь раз обернулся, и в сумраке льдисто сверкнули светлые глаза. И снова устремился вперёд. Я помедлила, но продолжила путь. В конце концов... Да, они всегда нас боялись, как зима боится весны, как стужа – солнечного тепла. Но и врагами никогда не были.

Пёс привел меня на поляну, оглядев которую я одобрительно хмыкнула и улыбнулась в ответ на вопросительный взгляд: отличное место! Ели расступались, образуя длинную неровную проплешину – достаточно удобную, чтобы чаровать и не наткаться на лапы, достаточно узкую для солнечной паутины.

– Ты понял, да? – я снова улыбнулась. – Всё-то вы *знаете*...

Он фыркнул, отступил в сторону и плюхнулся в сугроб, подняв облако мелкого снега. Явно не собираясь уходить. И мне отчего-то стало ещё спокойнее. И, окликнув Вёртку, я принялась за работу.

Разулась и сняла куртку, оставив вещи рядом с псом. Вдохнула-выдохнула, расслабляясь, и взобралась на толстый снежный покров, не проваливаясь и не оставляя следов. Прошлась лёгким шагом, едва касаясь щекочуще ледяного снега, по поляне, посчитала ели, прикинула длину и толщину нитей. Сжала в ладонях кончики двух веток, перекинула на них несколько искорок, и иглы засияли солнечно. И полупрозрачные лучи потянулись к соседним веткам, к елям напротив, через полянку. А искры запрыгали по деревьям, как белки, и везде, где они коснулись коры или игл, разгоралось крошечное солнце.

Убедившись, что первых чар хватит на нужную часть леса, я нашла примерный центр поляны, присела и зарылась пальцами в снег. Он не растает и не растечётся – я умею как насыщать теплом, так и отнимать его, а холодное зимнее солнце снег не топит. Но оно сияет – яростно, слепяще, и когда отражается от свежего снега, глаз не открыть. И снег на поляне засиял изнутри – рукотворное солнце забило из-под него, от земли.

Пёс переносил мои чары удивительно спокойно. Лежал под ёлкой, зарывшись в сугроб, только уши и любопытный нос торчали наружу. Я старательно обошла его убежище, направляя искры так, чтобы не коснуться своего помощника. А в том, что он ещё поможет, я не сомневалась. Чары эти древние существа использовали крайне редко, обходясь зубами, когтями и природной мощью, но и последнего для защиты хватит. Даже от голодной стаи.

Наконец вернулась Вёртка. Высунувшись из-под снега, она огляделась и счастливо ринулась к центру поляны. Полосатое тельце мелькнуло крошечной молнией и снова исчезло в сугробе. И пусть. Чары не нарушит, а силы наберётся на месяц. Или на одно очень большое дело.

Закончив с очередной западнёй, я позволила себе короткую передышку. Села на снег и закрыла глаза, расслабляясь. И пытаюсь понять: *где*. Где находится стая, как далеко – или как близко. Пока не слышалось ничего – снег не скрипел, ветки никто не ломал. Я недовольно наморщила нос. И живой крови в этих существах – и тепла, – конечно же, не было. А больше во мне ничего не развито... к сожалению.

Хотя надо бы, наконец, научиться ощущать не только тепло, но и его полное отсутствие. Ощущаю же я хладнокровных как сквозняк? Ну вот. И ледяной ветер тоже пора начать чувствовать. Вернее... распознавать как не просто ветер, а как дыхание ледяной крови. Конечно, в тёплое время года или в протопленном помещении это, наверное, получится само собой... но мне-то навык необходим сейчас.

Снова собраться с мыслями и настроиться на работу оказалось непросто. Я долго сидела и смотрела перед собой, *вспоминая*. За годы работы на знающих я почти забыла о себе-искрящей. Забила память иными знаниями, закрылась от исконной силы, почти не касалась солнечных чар. Нужды не было. И таких дел, которые сыпались на меня сейчас, тоже. Но всё проходит – и мирное время тоже.

Пора возвращаться. И вспоминать.

Вёртка, напившись силы, сияющая и искрящая, вынырнула из-под снега и залепетала – мысленно, но я слышала её всегда и везде, и в слиянии, и вне его. Круглые глаза – как два маленьких солнышка.

– Ты права, – я улыбнулась и выпрямилась. – Не вовремя я... Твой участок – там, – я указала себе за спину. – Сделай солнечные тропы, ты не так ярко светишь, как я. Тебя не заметят. А я разбросаю мелкие силки впереди. Встречаемся здесь.

Появление стаи настигло меня в сотне шагов от поляны. Зим говорил, что слышал её голос, а я ощутила другое. Ветер. В тихом, молчаливом, морозно замершем лесу откуда-то взялся ветер. Он взъерошил мои волосы, зазмеился по снегу серебристой позёмкой, обжёг кожу босых ног. И тревожно зашептался с качнувшимися еловыми ветками.

Я отвлеклась от работы, подняла голову и прислушалась. Ничего. Всё та же сонная тишина. Лишь слабо-слабо шуршат ветви деревьев да по чаще разносится эхо тихих, глухих шлепков – осыпающегося с деревьев снега.

Идут.

Подскочив, я опрометью кинулась обратно – к своей главной западне. Там уже все готовились к встрече: пёс вырыл себе яму и так хорошо туда закопался, что не найти, а Вёртка обвилась вокруг нижней ветки и искрила десятками колючих летних звёзд. Я, по примеру пса, закопалась в свою яму. Голодная стая лишена разума – она несётся тупой лавиной, и главное – уйти с её пути как угодно. Обычно.

Но сейчас, в эту проклятую раннюю зиму, всё иначе.

И голодной стае это тоже коснулось.

Земля задрожала. Я затаилась в снежном сумраке, едва дыша. Молча, без единого писка или рыка, затоптали десятки ног. Я кожей чувствовала, как срабатывали силки – до меня докатывались волны тепла, когда тварь попадалась. И расплывалась подтаявшим сугробом.

Пока ещё вдали – но стоя неслась быстро. Очень быстро. И «вдали» мгновенно сменилось на «в паре шагов».

Я совсем перестала дышать. Горячие вспышки – одна, вторая, третья... Глухие удары снега о снег – точно ветер стряхнул на поляну еловые «шапки» и «рукавички». Я сначала считала, а потом бросила – не успевала. И просто ждала – тишины. Точно зная, что они все останутся здесь – все до одного, пока в солнечных нитях есть хоть капля силы. А запоздавшим Вёртка добавит.

Снег колотил по земле не переставая. Сумрак пронзали острые вспышки тёплого света. И появился запах – слабый-слабый запах влажных испарений. Я невольно сжималась от каждого удара, в конце концов превратившись в сплошной судорожно скрученный комок нервов. А вспышки становились всё реже. И вслед за ними – звуки падающего снега.

Пока не прекратились совсем.

Топот – тоже. Я даже вдали его не слышала.

Посчитав до ста, я рискнула покинуть своё убежище. Осторожно разрыла снег и высунулась из ямы. Сначала – по шею, быстро обозрев поляну. Никого... Потом – встала по пояс. Да, тихо, только... Я не слышу Вёртку. Совсем.

Я быстро выбралась из ямы и огляделась. Пёс пока не казал носа. Поляну засыпало снегом, и новые сугробы, примороженные, льдисто поблёскивали. Вёртка калачиком свернулась под ёлкой... выжатая. Я ринулась к ней. Пластуном проползла под низкими ветками, протянула руку, окликнула, и она потянулась ко мне из последних сил. И с такой яростной надеждой впилась, не находя сил доползти до привычной поясницы, в мою руку, что я тихо охнула.

– Ничего-ничего... – прошептала шиплю. – И не из таких переделок выбирались... Молодец. Отдыхай.

Вёртка неуклюжим шнуром обвилась вокруг моего запястья – не тёплая и пушистая, как раньше, а холодная и скользкая, как в тот день, когда я её нашла. Опыты – так называла паразитов мама. Первые опыты Шамира по созданию волшебного существа. Неудачные, ибо поглощать чужую силу и чаровать они могли, а вот вырабатывать свою и жить только собой – нет. И без нас давным-давно бы исчезли.

– Отдыхай, – повторила я и поползла обратно.

Выбралась. Одёрнула рукав куртки. Нашла тут же, рядом с ёлкой, свои заваленные снегом вещи. Очистила их и встряхнула. Села, чтобы обуться. И замерла с сапогом в руке.

Я не ошиблась – голодная стоя действительно осталась здесь. Вся. И уничтоженная, и недобитая, и уцелевшая.

Дети зимы неспешно выходили из-за ёлок, выползали из-под низких колючих лап, выбирались из ям. Один за другим. Невысокие, с обычную дворовую собаку или некрупного волка, снежно-белые, кожистые. Острые уши. Приплюснутая морда. Ледяной гребень вдоль позвоночника. Короткие ледяные шипы вместо шерсти. Вихри снежинок вокруг лап и хвоста. Мерцающие глаза – цвета серебряной зимней луны, пугающие. Голодные. И с умыслом. Я бегло насчитала около тридцати штук – тех, что появились на поляне.

Тьма и все гиблые затмения, что ж это за зима-то нынче, а... Ух.

Я вскочила, отбросив сапог. Сердце, не то от азарта, не то всё же от страха, встрепенулось, сжалось и заколотилось, как одержимое. Я на одном выдохе окружила себя искрящимся вихрем. Доберитесь, если сможете... А ладони уже привычно скатывали из новых искр «ножи». Клубок – блин – «колбаска» – стержень, невольно вспомнилось из детства. И – в цель.

Первый «нож» вошёл в ближайшего смельчака, как в подтаявшее масло – точно в глаз. Тварь, не издав ни звука, рухнула на поляну кусками снега. А её место заняла следующая. И следующая. Мне хватило десяти «ножей», чтобы понять – не справлюсь. Они не боятся и убегать не собираются. Не реагируют на «смерти» и молча заполняют бреши в своем снежном кольце, плотнее сжимаясь вокруг меня.

Двадцать уложу, но двадцать первый доберётся... Или сила снова плеснёт через край, обернувшись против меня.

Проклятые недознающие... Дурные хладнокровные... Лезут в такие вещи, в которых ничего не понимают...

Или, наоборот, понимают слишком много?..

Дети зимы не уносились прочь привычной лавиной. Не врезались в препятствия, обращаясь в снег. Они вели себя как живые звери. Как малоразумные хищники. У которых есть явная цель.

Я.

Или просто первое подвернувшееся под лапу живое существо?.. В которых они отродясь не нуждались, как не нуждались в охоте, добыче и пропитании вообще?..

Опустившись на одно колено, я из последних «безопасных» сил сотворила солнечное кольцо. Яркий круг света вспыхнул вокруг меня и распустил в разные стороны хрупкие лучики солнечного тепла. Стая даже не дёрнулась, продолжая неспешно напирать, сужая кольцо. Прищуренные глаза, ледяные зубы, мороз из оскаленных пастей... мороз по коже. Впервые за долгое время я ощутила неприятный холод... надеюсь, просто страха.

Их осталось десять, когда я поняла, что всё. Больше никаких чар, ни одной искры. Я не устала, сила не закончилась, но вместо поляны вдруг так ясно увиделась Гиблая тропа – мёртвое сумеречье и чёрные, словно сожжённые ели, – что, метнув очередной «нож», я опустила руки, боясь браться за следующий. Вихрились искры, сияло бережное кольцо – остаётся только защита...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.